

Министерство образования Республики Беларусь
БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра философских учений

В.А. Семенюк

ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ

Методическое пособие
для студентов, магистрантов и аспирантов

Минск
БНТУ
2011

УДК 1 (476) (075.8)
ББК 87 (4Бел) я7
С 30

Рецензенты:

Е.С. Кузьмитович, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и социального управления БНТУ;
Т.Н. Буйко, доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Белорусского государственного университета физической культуры

Семенюк, В.А.

С 30 Философская и социально-политическая мысль Беларуси: методическое пособие для студентов, магистрантов и аспирантов / В.А. Семенюк. – Минск: БНТУ, 2010. – 55 с.

ISBN 978-985-525-655-8.

В методическом пособии доктора философских наук, профессора кафедры философских учений БНТУ В.А. Семенюка рассматривается философская и социально-политическая мысль Беларуси с момента ее зарождения в эпоху Средневековья и вплоть до наших дней. Автор исследует важнейшие периоды развития отечественной философии, знакомит читателей с учениями ее крупнейших представителей (Ф. Скорины, С. Будного, К. Лыщинского, К. Нарбута, А. Луцкевича, Н. Алексютовича, С. Подокшина, А. Майхровича, В. Стёпина, Е. Бабосова и др.).

УДК 1 (476) (075.8)
ББК 87 (4Бел) я7

ISBN 978-985-525-655-8

© Семенюк В.А., 2011

© БНТУ, 2011

Оглавление

1. ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РЕФОРМАЦИИ И ПРОСВЕЩЕНИЮ.	4
1.1. У истока отечественной мысли: Ефросинья Полоцкая и Кирилл Туровский.	4
1.2. Возрождение: Франциск Скорина.	5
1.3. Реформация и Контрреформация: от М. Радзивила Черного и Сымона Будного до Казимира Лыщинского.	7
1.4. Эклектическая философия XVIII в. в Беларуси и Литве.	19
1.5. Белорусско-литовское Просвещение конца XVIII–первой половины XIX в.	21
2. ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.	22
2.1. Социально-политические последствия инкорпорации белорусских земель Россией.	22
2.2. Национально-освободительное движение на территории Беларуси в XIX в.	23
2.3. Идеи национального возрождения в белорусской публицистике начала XX в.	28
3. ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ XX–НАЧАЛА XXI В.	30
3.1. От Язэпа Лёсика к Игнату Абдираловичу.	30
3.2. Белорусизация: великие надежды и трагические разочарования.	30
3.3. Белорусская философская мысль в период сталинского террора.	41
3.4. Борьба за преодоление тоталитарного наследия сталинизма и за возрождение свободной мысли в Беларуси.	44
3.5. Поиск пути к суверенному и демократическому государству. Философская мысль Беларуси на стыке XX–XXI вв.	46
3.6. Приоритетные исследования современных белорусских философов.	49
Заключение.	52
Вопросы для самоконтроля.	53
Рекомендуемая литература.	54

1. ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РЕФОРМАЦИИ И ПРОСВЕЩЕНИЮ

1.1. У истока отечественной мысли: Ефросинья Полоцкая и Кирилл Туровский

Зарождение отечественной мысли оказалось тесно связано с проникновением на наши земли христианства. Знать Полоцкого и Туровского княжеств в начале II тысячелетия устанавливает тесные торговые и культурные связи с важнейшими центрами христианства в Киевской Руси и Византии, что создает базу для формирования национальных традиций белорусского народа. Наиболее отчетливо эти традиции проявляются в XII веке в творчестве Ефросиньи Полоцкой (ок. 1110–1173) и Кирилла Туровского (ок. 1130–1193). Сведения об их жизни и деятельности до нас дошли из их жизнеописаний – «Житий» – особого жанра агиографической литературы, который в эпоху Средневековья во многих странах, в том числе и в Беларуси, приобрел большую популярность.

Эта литература, морализаторская и поучительная по своему характеру, доносила до читателей христианские идеи через биографии людей, образ жизни которых с точки зрения христианских представлений о «святом» человеке соответствовал высшим нравственным требованиям того времени.

Ефросинья Полоцкая, дочь полоцкого князя Георгия Всеславовича, вопреки воли своего отца в довольно раннем возрасте ушла в монастырь. Поселившись в келье полоцкого Софийского собора, она занялась изучением и переписыванием произведений религиозно-нравственного содержания, основала в родном городе женский и мужской монастыри. На ее деньги здесь же были сооружены две христианские церкви. О ее жизни нам известно из «Жития Ефросиньи Полоцкой», созданного уже после ее смерти, в конце XII в. В нем Полоцкая просветительница предстает поборницей возвышенных христианских идей, пронесшей через всю свою жизнь любовь к книгам и знаниям, посвятившей себя делу нравственного воспитания окружающих и служению Отечеству. Через «Житие Ефросиньи Полоцкой» стержневой идеей проводится мысль о высоком предназначении христианина, который должен готовить себя к будущей за-

гробной жизни посредством самоотверженного служения людям, через достижение «душевной чистоты и телесной умиротворенности».

«Житие Кирилла Туровского» по сути такая же каноническая церковная биография, как и одноименный труд Е. Полоцкой. Получив серьезное домашнее образование, Кирилл затем с помощью греческих воспитателей постиг высшие науки и искусства. Помимо этого он превосходно владел народной и старославянской речью, глубоко освоил культуру, поэзию и красноречие.

Труды К. Туровского (проповеди, притчи, молитвы, послания) пользовались большой популярностью на Руси и в Беларуси, многократно переиздавались и считались классическими образцами богословского красноречия.

Посвятив себя трудам на ниве просвещения своего народа, Ефросинья Полоцкая и Кирилл Туровский дали мощный толчок развитию христианских дидактическо-философских и социально-этических идей. Влияние этих просветителей вышло далеко за пределы средневековой эпохи, а их имена и дела кристаллизовались со временем и набрали ценность национального символа служения возвышенным идеалам, верности своей родине.

1.2. Возрождение: Франциск Скорина

В период Возрождения, в XVI веке, происходит поразительный взлет в развитии белорусской культуры, давший миру целое созвездие великих имен, выдающихся деятелей мирового масштаба, внесших заметный вклад в развитие философской, социально-политической и юридической мысли. В эту эпоху оформляются идеалы, сыгравшие значительную роль в формировании духовности и национального самосознания нашего народа.

Наиболее видной фигурой этого времени сегодня считается Франциск Скорина (ок. 1490–1541). Его роль в формировании национальной культуры, в том числе философии, невозможно переоценить. Он – первый белорусский первопечатник, гуманист и ученый. Его жизненный и творческий путь является наглядным примером синтеза культур Востока и Запада. Родившись в Полоцке, он здесь же получил начальное образование. Обучался на философском факультете Краковского университета, где ему была присвоена ученая степень бакалавра философии.

С 1507 года Скорина работает и продолжает учебу в Западной Европе. В 1512 году Падуанский университет присваивает ему степень доктора медицины. При материальной поддержке виленских меценатов Скорина создает в Праге первое в истории белорусское издательство, в котором им были напечатаны и прокомментированы 23 книги Библии. Вернувшись на родину, он создает в Вильно новое издательство, оборудовав в доме одного из своих меценатов типографию, в которой на белорусском языке выпускает ряд книг Библии. Возможно, в конце 1520-х годов Скорина посетил Москву с намерением заинтересовать российских правителей книгоиздательским делом. В 1530 г. по приглашению прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна Ф. Скорина навестил Кенигсберг, в середине того же года вернулся в Вильно. Приблизительно в 1535 году он выехал в Прагу, где и умер.

Было бы упрощением сводить творчество Скорины всего лишь к переводу и изданию библейских текстов. Отказавшись от средневековых образцов анонимного их истолкования, он внес в свои работы глубокое личностное начало, придав им форму живого размышления над тем, что близко и важно людям и обществу в целом.

Творческая деятельность Ф. Скорины пришлась на время, когда в Западной Европе, прежде всего в Германии, развернулось мощное реформационное движение. Четко определить отношение к нему белорусского первопечатника не просто. До сих пор историки спорят по поводу того, к какому течению в христианстве он принадлежал. Сам Скорина в своих трудах не употреблял таких слов, как «католик», «православный» или «протестант», он всегда говорил лишь о христианстве вообще.

Однако при более основательном изучении его биографии нельзя не заметить, что на мировоззрение Скорины оказали воздействие радикально-реформационные идеи. Более того, целый ряд его биографов говорит о «широкой реформаторской деятельности белорусского первопечатника».

Эту реформационную нацеленность деятельности Ф. Скорины не преминули заметить еще при его жизни некоторые защитники католицизма и православия. Для первых он оставался «еретиком гуситом», вторые обвиняли его в «преступной связи с Реформацией», в искажении православной веры. В частности, когда Скорина привез в Москву напечатанные им тексты Библии, он наткнулся на враж-

дебное отношение со стороны православных иерархов. По их наущению московский князь наказал сжечь все привезенные реформатором книги. Основанием для этого послужило то обстоятельство, что в них, по мнению православных обскурантов, ощущалось влияние лютеровских идей. Нельзя не заметить и того, что выезд Скорины в Кенигсберг к Альбрехту Гогенцоллерну кое-что способен прояснить в вопросе о его вероисповедании и пристрастиях в последние годы жизни. Отъезд Скорины из Вильно приходится по времени на 1530 год, когда там великим князем литовским Жигимонтом Старым был объявлен декрет о преследовании «лютеран и анабаптистов». И выехал-то Скорина как раз в Кенигсберг, где лютеранство незадолго до этого было провозглашено герцогом Альбрехтом государственным вероисповеданием. Через несколько месяцев Скорина приезжает в Вильно, имея на руках письмо от прусского герцога к виленскому магистрату с просьбой не притеснять доктора Франциска. Конечно, все эти факты из биографии первопечатника можно расценить как случайное совпадение. Но не слишком ли много этих случайностей?

1.3. Реформация и Контрреформация: от М. Радзивила Черного и Сымона Будного до Казимира Лыщинского

Рассматривая церковно-религиозные отношения в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) в эпоху зарождения в нем протестантизма, ученый-историк, один из создателей и первый ректор БГУ В.И. Пичета (1878–1947) писал: «Торговые отношения с Западом способствовали проникновению на Литву–Беларусь западноевропейских религиозных веяний. Так, Иероним Пражский – приятель Гуса – побывал в 1413 г. в Литве, Вильно и Витебске. После смерти Гуса и Иеронима гуситское движение проникло вглубь Беларуси. С появлением в Германии протестантизма это движение начало быстро распространяться в Беларуси, Волыни, Литве и Курляндии не только из Польши, Восточной Пруссии, а также из Лейпцига и Франкфурта.

Значительно расширилось влияние кальвинизма. Убежденными кальвинистами была семья князей Радзивилов, особенно в лице воеводы и канцлера виленского (точнее канцлера ВКЛ и виленского

воеводы) Миколая Радзивила. Свободная пропаганда кальвинизма в Вильно привлекла на его сторону много аристократии. В 1565 г. Радзивил построил обширную кальвинистическую церковь. Кальвинистические общины появились в Полоцке, Витебске, Новогрудке, Биржанах, Минске, Берестье, ставшем другим центром кальвинизма. Наряду с умеренными протестантскими направлениями проникают в Литву и Беларусь крайние секты в виде социнианства, представители которого отвергали основные догматы протестантизма – божественность Христа и учение о предопределении»¹.

Называя социальные причины, приведшие к расширению влияния протестантизма на белорусско-литовских землях ВКЛ, Пичета особо выделял следующие факторы. По его мнению, вставшие на сторону протестантизма, особенно кальвинизма, литовско-белорусские магнаты стремились освободиться от католицизма, который являлся проводником польского влияния и культуры. Благоприятная для сельского хозяйства экономическая конъюнктура подталкивала аристократию к расширению своих земельных владений путем секуляризации церковного имущества. Вместе с магнатами принимало протестантизм и местное население.

Благодаря этому магнаты становились предводителями религиозной жизни протестантского сообщества. Это увеличивало их политическое значение. Возрождался феодализм. Но это протестантское движение, охватив аристократию и подвластное ей население, вскоре вернулось в лоно католического костела.

Необычайную мощь реформационное движение в ВКЛ набирает с середины XVI в. Здесь его представляло такое близкое к кальвинизму течение, как антитринитаризм. Возглавлял Реформацию виленский воевода, а фактически некоронованный король белорусско-литовского государства Миколай Радзивил Черный (1515–1565). С 1550 г. он занимал пост канцлера Великого княжества Литовского. Помимо него, Реформацию поддержала значительная часть белорусско-литовской аристократии, в том числе и такие могущественные магнаты, как Астафей Волович (ок. 1520–1587) и Лев Сапега (1557–1633).

Теснейшим образом с социально-политическими процессами, происходившими в этот период в ВКЛ, оказались связаны жизнь и твор-

¹ Пичета У.І. Гісторыя Беларусі. Мінск, 2005. С. 164–165.

ческая деятельность целого ряда белорусских реформаторов: Симона Будного (ок. 1530–1593), его друга и помощника Василя Тяпинского (ок. 30–40-х гг. XVI в.–ок. 1604), Андрея Волана (1530–1610) и других. С конфессиональной точки зрения их философские идеи вписывались в рамки того движения протестантизма, которое на белорусских землях воплотилось в попытки создания евангелическо-реформаторской церкви, независимой, с одной стороны, от Рима, а с другой, – от Константинополя и Москвы. Оказавшись между «двух огней», белорусская Реформация не смогла в полном объеме реализовать свои цели. Но все же старания белорусских реформационных деятелей не пропали бесследно. Отстаиваемые ими идеи духовной свободы и религиозной терпимости в дальнейшем подхватывались новыми поколениями мыслителей.

Первым среди магнатов ВКЛ принимает протестантскую веру Радзивил Черный. Вначале он склонялся к лютеранству, но в дальнейшем он принимает кальвинизм, который в значительной степени благодаря его усилиям получил широкое распространение в ВКЛ. Владея громадными усадьбами, он создавал в них протестантские общины – сборы. В 1553 г. им был основан первый в Беларуси реформационный сбор в его замке в Берестье (Бресте). В 1557 г. при его участии была заложена главная реформационная община в ВКЛ, разместившаяся во дворце Радзивила в Лукишках. Некоторое время он лелеял мечту о создании Народного собора – своего рода государственной церкви, которая объединила бы всех христиан Великого княжества и была бы независима от Ватикана. В последние же годы своей жизни он поддерживал антитринитариев, которые в религиозно-богословских и социальных вопросах занимали более радикальные позиции.

Одновременно в своем брестском замке Радзивил основал типографию, в которой за свои деньги издавал евангелические работы: катехизисы, песенники, учебники, полемические произведения, комментарии к Библии.

В типографии трудились приглашенные им известные ученые, которым к 1563 г. удалось завершить работу над переводом Библии на польский язык. К этой Радзивиловской, или Брестской, Библии князь-реформатор написал свое предисловие. Вслед за Вильно и Брестом Радзивил основывает кальвинистские сборы в Несвиже, Клецке, Ивье, Койданове, Орше.

Реформаторская деятельность Радзивила сильно встревожила католический клир. Чтобы спасти костел, в Вильно в 1555 г. прибыл папский легат Алоиз Липомани. Однако его старания оказались тщетными, и в конце концов папскому посланцу пришлось признать свое поражение. В дискуссии с ним Радзивил подтвердил свои взгляды: он оспаривал претензии Папы на власть над всем христианским миром, заявляя, что эта власть Папой узурпирована; не признавал католического культа святых, ибо Христос, по его мнению, не завещал его отправлять; пост называл выдумкой «папистов»; отвергал католическое учение о чистилище. На обвинение в том, что эти воззрения канцлера смахивают на ересь, Радзивил возразил: «Лучше быть еретиком в презираемой клиром церкви, чем святым в папском костеле».

Подводя итоги реформационной политики Радзивила Черного, белорусский публицист В. Чаропка замечает: «Черный подходит к Реформации с политическими целями: лишить костел и церковь их богатых владений, за чей счет они щедро наживаются, не неся тяжести защиты страны; отодвинуть духовенство от государственных и светских дел. В конце концов, и шляхта выступала с подобными же требованиями. Так что Черный высказал взгляды наиболее прогрессивной части общества, которая жаждала обновления духовной жизни, надеясь сбросить господство средневековой косности».

При финансовой поддержке канцлера разворачивает на Беларуси свою деятельность Сымон Будны, знаменитый философ, историк, филолог и религиозный реформатор. С. Будны обучался на факультете свободных искусств Краковского университета, затем, возможно, продолжил учебу в Базельском протестантском университете. В 1558 г. Будны приезжает в столицу Великого Княжества – Вильно, где занимает пост катехизиста (преподавателя протестантской общины). Вскоре на деньги Радзивила Будны вместе со своими друзьями основывает в Несвиже типографию, из которой выходят в свет две его работы на старобелорусском языке: «Катехизис» и «Об оправдании грешного человека перед Богом» (последняя, к сожалению, не сохранилась).

В 1565 г., после смерти своего куратора Радзивила Черного, Будны перебирается в Заславль (под Минском), где к 1572 г. завершает работу над переводом Нового Завета. В следующем году он переезжает в Лоск (под Воложином), где весной 1573 г. у него появляется новый меценат – магнат-арианин Ян Кишка, который передает в полное рас-

поряжение Будного свою типографию. Из этой типографии в 1574 г. вышел Новый Завет с предисловиями и комментариями философа.

Оценивая этот труд, С. Подокшин, посвятивший С. Будному ряд своих работ, писал: «Будны не отрицал христианства и не подвергал сомнению авторитет Библии, напротив, его целью было возобновление истинного христианского вероучения, первоначального подлинного смысла Священного писания.

Однако радикализм его выводов, рационалистические, натуралистические и атеистические тенденции, какие в них присутствовали, подрывали основы религиозного мировоззрения»¹.

Столь же радикальные воззрения развивал Будны и в другом своем произведении «О главнейших положениях христианской веры». Этот труд, вышедший из той же типографии в Лоске в 1576 г., исследователи считают главным религиозно-философским трудом Будного. В нем он разрабатывает оригинальную версию происхождения христианства. Согласно ей, богом в христианской религии является лишь Бог-отец, Святой же Дух – только сила божья. Что касается Иисуса Христа, то он – простой человек, возведенный в божеский сан благодаря его высоким моральным достоинствам и несомненным заслугам в пропаганде христианского учения. По существу, это была не столько теологическая, сколько типично рационалистическая интерпретация христианства, разрушавшая его основополагающий догмат святой Троицы.

Стоит ли удивляться тому, что от философа вынужден был отречься в конце концов и его меценат Ян Кишка: с большим сожалением он выслал Будного из Лоска. Последние годы Будному пришлось скитаться по дворам случайных меценатов. Умер он 13 января 1593 г. в Вишневе.

Оригинальность творчеству Будного придает то, что свои философские взгляды он непременно пропускает сквозь «сито» весьма оригинальной личной веры, которая у него была свободна от какого-либо установленного раз и навсегда религиозного догматизма. Даже кальвинизм, к которому он на первых порах примыкал, в конце концов начал вызывать у него неудовольствие (как ему казалось, своей умеренностью), вследствие чего он переходит на более радикальные позиции антитринитаризма. Противники, равно как и мно-

¹ Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энциклапедычны даведнік. Мінск, 1995. С. 54.

гие сторонники Будного, не только не понимают его, но и зачастую осуждают его взгляды. В едином порыве на него ополчаются идеологи православия и католицизма, а собратья по вере – антитринитарии – в 1584 году исключают его из своей общины. Правда, через несколько лет на Синоде в Бресте они сменили гнев на милость, и Будный получил от них «прощение». Но тем не менее в принципиально важных мировоззренческих вопросах он все же остался верен своим убеждениям.

Так, он защищал право на свободное отстаивание человеком своих взглядов («следует, чтобы во всех наших церковных собраниях была свобода говорить о святых делах, о делах спасения, знание которых необходимо всем верующим. Где нет этой свободы, там еще господствует если не папство, то папское рабство»).

Практически в одно время с Будным и Тяпинским еще одним идеологом белорусской Реформации выступает Андрей Волан (1530–1610). Помимо того общего, что объединяет этих трех мыслителей (отстаивание принципов веротерпимости, свободомыслия, критика папства), для Волана характерен акцент на разработку главным образом правовой тематики. Его не случайно считают одним из основателей светского направления в социально-политической мысли Беларуси и Литвы. Он объявлял право выражением коллективной воли народа, своего рода высшим разумом, заложенным в природе. Законы, издаваемые в государстве, по его мнению, должны соответствовать природному разуму, а это, в свою очередь, станет возможным, если они будут соединены с идеей общего блага граждан. Гарантом законов у Волана выступает государь, использующий свои знания во благо общества. «Именно вся деятельность, весь круг обязанностей государей, – заявляет Волан, – и сводится, прежде всего, к тому, чтобы нести благополучие гражданам, способствовать благосостоянию людей». В государстве, по его мнению, «мир и спокойствие между людьми всех сословий будут сохранены максимально, если... счастье одних не будет строиться на несчастьи других», если государь станет «не только удерживать себя от нанесения обиды другим, но также сдерживать алчность своих прокураторов, которые ведают его имуществом и ведут его дела».

Во многом с идеями Волана совпадали взгляды позднеренессансного политического деятеля Льва Сапег (1557–1633). Как и Волан, он был убежден, что на основе закона и права можно защитить цен-

ности, здоровье и имущество белорусского народа. «Народу, – заявлял он, – стыдно права своего не знать, особенно нам, которые не чужим каким языком, но своим собственным права записанные имеем». Для подобного заявления у Сапеги были веские основания: с его именем связаны подготовка и издание III Статута Великого княжества Литовского 1588 года. В нем содержались статьи, закреплявшие политико-правовой статус княжества в составе Речи Посполитой (РП). Статут, в частности, требовал вводить в ВКЛ государственное судопроизводство на белорусском языке, запрещал польским феодалам получать посты и приобретать земли в княжестве.

В 1569 году Польское королевство и Великое княжество Литовское заключили в Люблине союз (унию) об объединении, следствием чего стало создание Речи Посполитой – федеративного державного образования, которое существовало до 1795 года, когда его территория была разделена между Россией, Австрией и Пруссией.

По Люблинской унии Великое княжество Литовское сохраняло определенную самостоятельность, к примеру, оно имело свою администрацию и финансовую систему, свое войско, законодательство и судопроизводство, а также свой государственный язык, каким здесь был белорусский.

Тем не менее, еще до заключения Люблинской унии, постепенно стали набирать силу неблагоприятные для ВКЛ и его независимости обстоятельства, к которым следует в первую очередь причислить внешнеполитические причины (бесперывные войны с Московской державой, в ходе которых ВКЛ потеряло значительные территории, сражения с крымскими татарами и т. п.). Корона (официальное название тогдашнего Польского королевства) была в момент заключения Люблинской унии в лучшем политическом и экономическом состоянии, нежели ВКЛ, что позволяло ей осуществлять великодержавную политику в отношении своего восточнославянского соседа.

Вместе с тем, явно ухудшилась ситуация и внутри самого ВКЛ, что в значительной мере было связано с активизацией на белорусских и литовских землях ордена иезуитов, ставшего здесь главным орудием Контрреформации.

В Западной Европе Контрреформация представляла собой иницированное римско-католической церковью мощное движение против Реформации и протестантизма. Возглавил это движение испанец Игнатий Лойола и созданный им орден. Первоначально иезуиты

были всецело заняты борьбой с протестантской «ересью» в западноевропейских странах, и лишь приблизительно через три десятилетия в зону их интересов попали земли ВКЛ.

Укреплению позиций католицизма в ВКЛ, прежде всего на белорусско-украинских землях, в дальнейшем поспособствовала заключенная в Бресте церковная уния 1596 г., согласно которой православная и католическая конфессии должны были объединиться под главенством Папы Римского, хотя и при сохранении православной обрядности.

Уже при подготовке унии возник острый конфликт между теми, кто надеялся с ее принятием добиться национального согласия в княжестве, и теми, кто считал эту затею изначально обреченной на неудачу. В дальнейшем, уже после провозглашения унии, противостояние достигло такой остроты, что страна стояла буквально на грани гражданской войны. И как следствие, вместо замирения двух ведущих конфессий – католицизма и православия – лидерам княжества пришлось изыскивать средства для предотвращения межконфессиональных столкновений.

Споры вокруг унии в конечном итоге приобрели и международную окраску. Приверженцы унии заявляли, что ориентация на союз с Польшей и папством позволит защитить княжество от растущей угрозы со стороны Московского государства, от его экспансионистских притязаний на белорусско-литовские земли. Противники унии, напротив, предлагали любым путем изыскивать способы включения княжества в православный мир или на крайний случай добиваться прочного перемирия с Московским царством.

Одним из первых пропагандистов унии в Великом княжестве Литовском выступил ректор Виленской академии, иезуит Петр Скарга (1536–1612). В своем трактате «О единстве церкви Божьей под единым пастырем», изданном в 1577 г., он утверждал, что для противодействия растущей угрозе со стороны протестантизма католики и православные должны объединиться, преодолеть ослабляющую их вражду. Здесь же Скарга доказывал, что идея церковной унии с Римом отвечает интересам православной церкви княжества, всячески расхваливал те выгоды, которые получают православные верующие от духовного союза с католиками. Но поскольку Скарга считал, что истинное христианское учение идет от римско-католической церкви, которая, по его мнению, является преемницей и не-

сителем апостольских традиций и тем самым имеет законное право стать главой христианского мира, книга Скарги вызвала бурные протесты со стороны православного лагеря. В предложении Скарги его лидеры усмотрели попытку оторвать Беларусь от древней восточно-христианской традиции и переориентировать страну и народ исключительно на союз с Западом.

Добиваться практического воплощения в жизнь идей унии пришлось в основном канцлеру ВКЛ Л. Сапеге. Суть отстаиваемого им проекта унии сводилась к тому, чтобы добиться создания в княжестве национальной церкви, которая, во-первых, признавая первенство папы римского, тем самым избавлялась бы от притязаний московских патриархов, а во-вторых, сохраняя у себя восточные обряды, не сливалась бы с католической церковью, осталась бы достаточно сильной и, главное, независимой, насколько это тогда было возможно.

В конечном итоге точка зрения Сапеге возобладала на Брестском церковном соборе 1596 г., где он выступил с «пламенной речью в защиту унии». Сапеге удалось добиться внесения в принятый проект существенных поправок, которые, на его взгляд, призваны были учитывать и защищать права православного населения Великого Княжества. Папа Римский и польский король дали, в частности, согласие на признание особых греко-византийских религиозных церемоний, на сохранение во владении православной церкви принадлежащих ей земельных владений, монастырей и храмов, на равное участие православных и католиков в управлении Речью Посполитой.

И тем не менее с подписанием унии ситуация в конфессиональной сфере ВКЛ не улучшилась, как рассчитывал Л. Сапега, а, напротив, резко осложнилась. Предотвратить борьбу конфессий даже канцлеру, с его огромной властью и талантом дипломата и политика, оказалось не по силам. Ни один из белорусско-литовских сеймов после подписания Брестской унии и вплоть до середины XVII в. не проходил без споров между православными и униатами. Более того, некоторые вожди униатов стали закрывать православные храмы, устраивать в них погромы, грозя физической расправой тем православным, которые не соглашались принимать униатскую веру.

Будучи приверженцем идеи веротерпимости, Л. Сапега выступал против любых насильственных мер обращения православных в униат-

ство. Но «горячие головы» из униатов не соглашались ждать и пытались с помощью грубой силы ускорить процесс «перековки» православных в униатов.

Как отмечал белорусский философ С. Подокшин, «на унию правящие круги Речи Посполитой подтолкнули в основном два исторических обстоятельства: натиск контрреформации, папского двора, католического духовенства, иезуитов, с одной стороны, и боязнь инкорпорации ВКЛ в состав Русской державы – с другой. Правящие круги надеялись, что уния идеологически консолидирует народы РП и поможет им противостоять натиску с Востока. Это была большая ошибка. Уния не только не консолидировала, а, наоборот, дестабилизировала общество. Более того, религиозное и социально-политическое принуждение, широко практиковавшееся в процессе введения унии, оттолкнуло от правительства РП значительную часть православного населения, особенно восточных воеводств, помогло Русской державе в ее экспансии на Запад и в конце концов «бросило» Левобережную Украину в «объятия» Москвы. Приверженцы унии вроде бы желали согласия, но в реальности получили гражданский конфликт такой мощи, какой в конце концов способствовал разрушению государства. Религиозное принуждение – первородный грех унии. Принуждение в значительной степени дискредитировало униатскую идею, сделало ее противниками многих горожан и шляхтичей. В первую очередь принуждение являлось козырной картой российского самодержавия и православия в борьбе с белорусской униатской церковью в конце XVIII–начале XIX в. и в конце концов в запрещении ее на Полоцком церковном соборе 1839 г. ... Уния декларировала религиозный мир и согласие в стране. Но разве можно было добиться мира, согласия ценой дискриминации православия и подавления протестантизма, ценой уничтожения существующей религиозной свободы, веротерпимости, ценой гонений на иноверцев»¹.

Противостоя реформационно-гуманистической культуре, активно преследуя протестантов и православных, не пожелавших принять церковную унию, Контрреформация, однако, внесла определенный вклад в интеллектуальную жизнь Беларуси. Конечно, аристотелизм, преподаваемый в иезуитских учебных заведениях, прежде

¹ Подокшин С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура (філасофска-гістарычны аналіз). Мінск, 1998. С. 43, 47–48.

всего в Виленской академии, являлся знанием в значительной степени устаревшим. Тем не менее это было знание, выработанное Европой на протяжении многовековой истории, начиная с античной эпохи, включавшее вдобавок и новейшие достижения в области конкретных наук.

В этом отношении показательна судьба творческого наследия наиболее известного виленского схоласта Войцеха Тылковского (ок. 1624–1695). Этот иезуит зачастую высмеиваемый историками философии, сочинения которого обычно выдаются за карикатурный образец бесплодного схоластицизма, в конце концов добился признания со стороны историков науки за свои сочинения в области арифметики, геометрии, физики и метеорологии. Высоко оценивая его эрудицию и научную самобытность, некоторые из историков науки считают, что Тылковский стремился чуть ли не первым применить математику к чисто логическим рассуждениям.

В XVII в. позиции иезуитов и представляемой ими схоластики в Речи Посполитой (в том числе и на белорусских землях входящего в нее ВКЛ) резко усилились. Активизация ордена привела к всплеску межрелигиозных конфликтов. Прежняя веротерпимость эпохи Возрождения и Реформации уступает место религиозному фанатизму.

Его жертвой стал общественно-политический деятель княжества, уроженец Брестчины, мыслитель Казимир Лыщинский (1634–1689), оставивший неизгладимый след в истории белорусского, литовского и польского народов.

После окончания приходской школы и иезуитского коллегияума в Бресте К. Лыщинский обучался в Виленской иезуитской академии. В 1658 г. он вступил в «Общество Иисуса», но после 8 лет пребывания в иезуитском ордене вышел из него, женился и поселился в своем родовом имении. С этого времени Лыщинский занимается юридической практикой, избирается послом от шляхты Брестского воеводства на сеймы в Варшаве (1669, 1670, 1672, 1674 гг.).

Уже в это время происходят первые стычки Лыщинского с иезуитами, против которых он от имени местной шляхты успешно проводит несколько судебных процессов, борясь за возвращение ей захваченных орденом земель и имущества. Неудовольствие иезуитов вызывает и педагогическая деятельность Лыщинского. Открыв в имении школу, он обучает детей шляхты и крестьян письму, преподает основы различных наук. Отбросив иезуитскую педагогику, он в

своей школе утверждал совсем иные принципы обучения и воспитания. Вместо того, чтобы обучать детей по Катехизису, как было принято в тогдашних церковных школах, он объявил религию сознательным обманом и давал учащимся в основном светские знания.

Свои идеи Лыщинский изложил в рукописном труде «О несуществовании Бога», написанном на латинском языке (530 страниц). Рукописный текст книги, выкраденный у Лыщинского соседом по имени, сыграл в его жизни роковую роль. Вместе с доносом соседа рукопись была отправлена виленскому епископу К. Бжостовскому, который передал ее для оценки в Виленскую иезуитскую академию. Академия, расценив сочинение Лыщинского как «безбожное», просила польского короля выдать разрешение на арест мыслителя. Так он оказался в тюрьме в Вильно. «Дело» Лыщинского было направлено на сейм в Гродно, который не успел рассмотреть его, и обвиняемый неожиданно оказался на свободе. Но вскоре Лыщинский повторно был арестован и отправлен в Варшаву на сейм, проходивший здесь с 17 декабря 1688 г. по 2 апреля 1689 г. Он-то и вынес приговор: сжечь еретика. Казнь состоялась 30 марта 1689 г. на старом рынке в Варшаве. На построенном на площади помосте Лыщинский «сжег свою рукопись, держа ее на палке. Затем ему снесли голову и сразу же после этого труп вывезли за город и сожгли дотла».

Из написанного Лыщинским трактата «О несуществовании Бога» сохранились лишь немногочисленные фрагменты. Но и по ним можно заключить, что свободомыслие брестского мыслителя логически вытекало из его стихийного материализма. Он отвергал Бога как творца мира, утверждая, что Бог – плод фантазии, воображения человека: «Человек – творец Бога, а Бог создание и творение человека. Таким образом, люди являются создателями и творцами Бога, а Бог – не реальное существо, а вымышленное; следовательно, бог и химера – одно и то же».

В интерпретации социальной роли религии Лыщинский следовал взглядам древних и средневековых вольнодумцев, считавших религию результатом сознательного обмана народа священниками: «Религия, – писал он, – создана людьми без религии. Благочестие выдуманно людьми, чтобы им поклонялись как Богу. Страх перед Богом внушен теми, кто его не боится, чтобы их боялись. Вера, о которой говорят, что она от Бога, является человеческой историей... Простой народ в учености своей обманут более расчетливыми людьми».

ми выдуманной верой в Бога, и эту его угнетенность они так сохраняют, что если бы мудрецы захотели его от этой учености освободить, открывая истину, то они этим народом и подавляются».

Скорее всего, К. Лыщинский не был атеистом, как утверждают некоторые исследователи. Но он, бесспорно, разделял и отстаивал идеи свободомыслия, что позволяет поставить нашего мыслителя в один ряд с такими жертвами религиозного обскурантизма, как Джордано Бруно и Мигель Сервет.

1.4. Эклектическая философия XVIII в. в Беларуси и Литве

С середины XVIII в. на территории Беларуси и Литвы начинают распространяться воззрения так называемых эклектиков. Эклектика представляла собой радикальное течение в недрах схоластики. Приверженцев этого течения стали называть эклектиками, поскольку они пытались сочетать в своей деятельности явно устаревшие к этому времени схоластические методы с передовыми естественно-научными и философскими тенденциями Нового времени.

Важнейшими центрами, с которыми была связана жизнь отечественных философов-эклектиков, стали Вильно и Новогрудок. Здесь трудились А. Скорульский (1715–1780), С. Шадурский (1726–1786), Б. Добшевич (1722–1794). В их творчестве прослеживаются попытки наполнить философию новым содержанием, правда, без резкого разрыва со старыми представлениями. Таким образом, у отечественной эклектики, представленной этими тремя философами, явственно проступали две взаимоисключающие тенденции: с одной стороны – стремление к сохранению основополагающих принципов схоластики, с другой – тяга к усвоению и использованию передовых философских и научных идей Нового времени. Принципиальная несовместимость этих тенденций обуславливала неизбежный процесс саморазложения эклектики, включения в нее положений «взрывающих» ее изнутри. В итоге в истории эклектики в Беларуси и Литве наступает завершающий этап, когда в ней появляется такой мыслитель, как К. Нарбут (1738–1807), который уже гораздо решительнее, чем его предшественники, отмежевывается от схоластической эклектики и начинает резко нападать на нее.

Первым философом-эклектиком принято считать Антон Ско-

рульского. Он преподавал философию, теологию, историю и математику в различных учебных заведениях Беларуси и Литвы и одновременно являлся ректором иезуитских коллегий в Новогрудке и Вильно. В своем учении Скорульский пытался согласовать достижения науки Нового времени с теологическими догматами. Но в итоге это «согласование» оборачивалось у него явным непониманием и критикой основных научных и философских идей эпохи (гелиоцентризма Н. Коперника и его последователей, учения И. Ньютона и др.).

Более значимое воздействие прогрессивные идеи Нового времени оказали на Бенедикта Добшевича. Он родился недалеко от Новогрудка, образование получил в Новогрудском коллегиуме и Виленской академии. В них он позже преподавал логику, философию и теологию. Основным труд Добшевича «Взгляды новых философов» состоит из лекций, прочитанных им в этих учебных заведениях. Достоверных сведений о его жизни в виленский период не сохранилось. Известно лишь, что ему пришлось оставить работу в академии и перебраться в одно из местечек на западе Литвы, где он и умер. Существует предположение, что уйти из академии Добшевичу пришлось не по доброй воле, что ему в этом «поспособствовало» руководство Виленской академии, не простившее философу его выпадов против схоластики. К такому выводу невольно приходишь, изучая написанные Добшевичем труды, в которых он часто ссылается на произведения западноевропейских философов и ученых XVII–XVIII вв. (П. Гас-сенди, Р. Декарта, Г. Галилея, И. Кеплера, И. Ньютона, Н. Мальбран-ша, Р. Бойля, Г. Лейбница, К. Вольфа и др.). Ведь многие из этих авторов подвергались нападкам со стороны иезуитов за вольнодумство.

В творчестве последнего из плеяды отечественных эклектиков – Казимира Нарбута – уже сильнее, чем у его коллег, обнаруживается серьезный разрыв со схоластикой. Он родился в Лидском повете, обучался в Щучине, продолжил учебу в Вильно, а затем в Италии, Германии, Франции. В 1769 году он издал в Вильно учебник по логике на польском языке. Ему же принадлежит целый ряд философских трудов.

Нарбут является в известном смысле переходной фигурой. В его творчестве прослеживается смещение развивающейся белорусской мысли от схоластики к раннему Просвещению, от эклектики к философии Нового времени. В поздних трудах Нарбута обосновывается необходимость отделения философии от теологии, высоко оценива-

ется творческое наследие новоевропейской мысли XVII–XVIII вв. (в первую очередь Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса, Дж. Локка).

1.5. Белорусско-литовское Просвещение конца XVIII–первой половины XIX в.

Расцвет просветительской мысли в Беларуси наступает в конце XVIII–первой половине XIX в. Не трудно заметить, что вполне сформировавшееся как самобытное течение Просвещение в Беларуси наступило несколько позже, чем в Западной Европе, где пик просветительского движения пришелся на середину и 2-ю половину XVIII в. Это позволило нашим просветителям многое заимствовать у своих западноевропейских коллег, с произведениями которых они были хорошо знакомы.

Значительное влияние на их творчество оказало польское Просвещение, в основном через ученого-энциклопедиста и философа Яна Снядецкого (1756–1830), который долгое время возглавлял Виленский университет. Здесь же им были созданы астрономическая школа и местная обсерватория. Важнейшим трудом Снядецкого считается «Философия человеческого разума», опубликованная в 1818 г. Снядецкий решительно поддерживал и защищал гелиоцентрическое учение, посвятив ему свою монографию «О Копернике». Она имела колоссальный успех, была переведена на французский, немецкий и русский языки.

Я. Снядецкий пытался сочетать экспериментальные методы познания с теоретическими, был противником метафизики, любого рода спекулятивных и априористических выводов. Возможно по этой причине он не понял философию Канта и вплоть до своей смерти резко нападал на его учение.

Еще одним из виднейших представителей белорусского и литовского Просвещения был Аниол Довгирд (1776–1835). Он родился в имении Юрковщина Мстиславского уезда, обучался в иезуитской школе в Мстиславле. Окончив Виленскую академию, Довгирд преподавал в пиарских училищах Лиды, Витебска и Щучина. С 1818 г. читал лекции по логике и психологии в Виленском университете, позже здесь вел полный курс теоретической и практической философии (в рамках первой изучалась логика и метафизика, в рамках второй – этика, экономика и политика).

В творчестве Довгирда нашли воплощение идеи и принципы умеренного крыла европейского Просвещения. Для Довгирда были неприемлемы и чужды идеи радикальных французских просветителей, многие из которых стояли на позициях деизма или даже атеизма. Он целиком пребывает в рамках западно-христианской традиции, и даже увлечение точными науками не выводит его за пределы этой традиции.

2. ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2.1. Социально-политические последствия инкорпорации белорусских земель Россией

После трех разделов (1772, 1793 и 1795 гг.) Речь Посполитая перестала существовать как суверенное государство. В соответствии с этими разделами к России последовательно отходили белорусские земли и вплоть до февраля 1917 года над ними сохранялась власть царского самодержавия. Следствия этого были неоднозначные и во многом противоречивые.

С одной стороны, включение белорусских земель в состав централизованной страны с крепкой государственной властью принесло некоторую политическую стабилизацию, положило конец феодальной анархии и самовольствам, которые негативно отражались на состоянии крестьянского хозяйства и тормозили хозяйственное развитие Беларуси. Были ликвидированы неограниченная самостоятельность и бесконтрольная власть крупных землевладельцев. Магнатам запрещалось держать частные войска, иметь свои крепости. Втягивание Беларуси в общероссийскую хозяйственную систему дало определенный импульс для развития экономики. Расширение рынка реализации сельскохозяйственной продукции стимулировало рост ее производства.

Вместе с тем, названные выше перемены в экономике чаще всего негативно влияли на положение простых людей. Указанный рост помещичьей экономики имел следствием расширение панской пахоты, что в свою очередь приводило к обезземеливанию значитель-

ной части крестьянства и к ощутимому увеличению крепостных повинностей.

Аннексия белорусских земель Российской империей отрицательно отразилась и на социально-политической жизни Беларуси. Чего стоила сознательно проводимая в жизнь политика полного отрицания самобытности и особенности Беларуси? Официальные российские круги делали все, чтобы обосновать созданный в имперском центре тезис о справедливом захвате белорусских земель, о будто бы многовековом стремлении белорусского народа войти в состав Российской империи. Замалчивалась или искажалась история Беларуси, сама же она объявлялась «исконно русской» территорией, а ее население – ничем иным, как исконными русскими¹.

Под предлогом «сближения Белорусского края с Россией» предписывалось «назначить на главнейшие места в белорусских землях русских благонадежных чиновников... с предоставлением некоторых выгод по службе», практиковать «награждение знаками отличия белорусских помещиков, наиболее преданных России». Одновременно назначенные царизмом правители «западных» губерний, к примеру, могилевский гражданский губернатор М. Муравьев, предлагали:

1. Введение русского языка при рассмотрении судебных и правительственных дел. Замещение польских названий мест и должностных лиц русскими наименованиями.

2. Отмену Литовского статута и восстановление действия Российских узаконений по всем частям управления².

2.2. Национально-освободительное движение на территории Беларуси в XIX в.

Политика царизма натолкнулась на противодействие со стороны национально-освободительного и демократического движения Польши, Беларуси и Литвы. Первыми проявлениями этого движения в первой четверти XIX века стала деятельность основанного в 1803 году Виленского университета, в частности созданных в нем тайных сту-

¹ Голубеў В., Крук У., Лойка Т. Ці ведаеце вы гісторыю сваёй краіны? Мінск, 1994. С. 74–75

² Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Т.ІІІ: 1772–1903. Мінск, 1940, С. 323–332.

денческих обществ. Виленский университет находился на первом месте в Российской империи по числу студентов. Здесь преподавали философ, астроном и математик Ян Снядецкий, его брат биолог Ежи Снядецкий, ботаник Станислав Юндил, медики Франк и Пеликан и многие другие. В стенах университета динамично развивалась историография ВКЛ, к представителям которой принадлежали выдающиеся историки Иоахим Лелевель, Игнатий Данилович, Игнатий Анацевич, Иосиф Ярошевич, известный славист Михаил Бобрович.

Из перечисленных авторов своими радикальными взглядами выделялся Иоахим Лелевель (1786–1861). Закончив учебу в Виленском университете, он работал в нем на кафедре всеобщей истории. Здесь же он стал идейным вдохновителем тайного студенческого общества филоматов, за что его изгнали из университета. После переезда в Варшаву, И. Лелевель и там пропагандирует либеральные воззрения, принимает участие в восстании 1830–1831 гг. После его подавления он бежит во Францию, где публикует воззвания, призывающие к борьбе с царизмом. Высланный из Франции, он оказался в Брюсселе, откуда руководил польскими демократическими организациями «Молодая Польша», «Объединение». В 1847 году Лелевель встречался с К. Марксом, который высоко отзывался о его учении, считая, что оно «соответствует социалистическому направлению, хотя сам автор и не подозревает о своей связи с ним».

И. Лелевель – основатель романтической школы в польской историографии. Он считал историю летописью народной жизни, подчеркивая важную роль народных масс в истории. Его трудам свойственны антикрепостническая направленность, враждебность к национализму и клерикализму; в них он исследовал процессы закабаления польского крестьянства, национального угнетения белорусского и литовского крестьянства в феодальной Речи Посполитой. Совместно с профессором Виленского университета И. Даниловичем (1788–1845) И. Лелевель изучал законодательные и летописные памятники белорусско-литовского права. В своем завершенном в 1839 году труде «История Литвы и Руси вплоть до Люблинской унии с Польшей 1569 года» Лелевель в один ряд с Великим Новгородом ставил средневековую «республику» Полоцка, отмечая большую роль древнерусского языка в Великом княжестве Литовском, с глубоким уважением писал о белорусских издателях и общественных деятелях, в частности о Ф. Скорине.

В 1823 г. полицейские чины, в обязанности которых входил надзор за политической благонадежностью молодежи на белорусско-литовских землях, оказались встревожены донесениями о том, что в Виленском университете с 1821 г. действует тайное «общество филоматов», т. е. «любителей наук». Об этом было доложено в Варшаву великому князю Константину, который приказал в связи с этим провести расследование. Оно-то в итоге выявило, что помимо филоматов среди виленских студентов проявляет активность еще один конспиративный кружок (филаретов), являющийся филиалом филоматов. Как отмечал в своем докладе великому князю сенатор Н. Новосильцев, допросы членов этих студенческих групп «явно обнаружили, что под словом приверженности своему краю подразумевается не приверженность к Российской империи а лишь [приверженность] к губерниям, составляющим университетский округ». Помимо этого у арестованных членов тайных сообществ были изъяты программные документы, в которых заявлялось о необходимости «при помощи просвещения и объединения соотечественников... делать все для счастья и освобождения Отечества», говорилось о том, что «страна не сможет более быстрыми темпами продвигаться вперед, пока не будет ликвидировано позорное препятствие – не-свобода крестьян», т. е. крепостное право.

Членами тайных обществ являлись Томаш Зан, Ян Четет, Адам Мицкевич и др. История ими рассматривалась как закономерный процесс борьбы народов за свободу и прогресс. После разгрома студенческих кружков Виленский университет был обречен. Нужен был лишь более значительный повод, которым и стало польское восстание 1830–1831 гг. Сразу же после его подавления университет был закрыт, а студенческие кружки в нем разгромлены. Однако надежда на то, что с помощью репрессивных мер царскому правительству удастся «утихомирить» западный край, оказалась тщетной.

В 1863 году началось восстание в Польше. И хотя провозглашенная варшавскими повстанцами политическая программа фактически игнорировала требования радикальных кругов Беларуси, тем не менее, руководимый Викентием Кастусём Калиновским, Литовский провинциальный комитет поддержал восстание. К середине мая 1863 года восстание удалось подавить, а его руководитель был арестован и по приговору военно-полевого суда казнен в Вильно.

Восстание под руководством Калиновского было в основном

шляхетским, а не крестьянским, на что указывает современный белорусский историк А. Грицкевич. По его сведениям состав участников восстания был таков: 70 % – воинственная, образованная и патриотическая шляхта (дворяне), 18 % – крестьяне, остальные – горожане, чиновники. Хотя царская пропаганда пыталась представить восстание как «польский мятеж», все же не вызывает сомнения, что почвой, вызвавшей революционное брожение в Беларуси и Литве, стал нерешенный там крестьянский вопрос. Не случайно уже через месяц после начала восстания царские власти пошли на небывалую «милость», добавив крестьянам земли и снизив плату за нее.

Помимо этого, для Беларуси восстание имело и другие важные последствия. Оно усилило патриотические, свободолюбивые настроения на наших землях, олицетворением которых отныне стала трагическая фигура К. Калиновского. «Сознательное сражение за независимость и суверенность белорусского народа, – писал в 1928 году выдающийся белорусский историк и политик А. Цвикевич, – началось с выступления на арену этого сражения Калиновского».

В конце 70-х–начале 80-х гг. XIX века дело К. Калиновского продолжили белорусские народники – сторонники социалистической идеологии в ее российском (герценовском) варианте. Народничество возникло на русской культурной почве, но многие его идеи оказались созвучны целому ряду белорусских народников. В начале 1888 года вышел первый номер нелегального органа белорусских народовольцев – журнал «Гомон». Этот журнал, хотя и издавался на русском языке, сыграл большую роль в истории белорусского политического движения: именно в нем был впервые сформулирован постулат государственной самостоятельности Беларуси в составе российского федерального союза, точнее, в составе той федерации, в какую под давлением революционного движения должна была быть преобразована Россия. Как утверждал «Гомон», «белорусская народность, сохранив свою обособленность, должна будет без сомнения занять в России такое же место, которое стремятся занять другие более или менее крупные народности... Проникшись современными демократическими идеями, интеллигенция Беларуси начинает осознавать, что их Родина только тогда перестанет быть яблоком раздора и лакомым куском для соседей, когда она сама

своими собственными силами добьется свободы, сама устроится»¹.

В конце XIX века на землях Северо-Западного края идеи белорусского национально-культурного движения пропагандирует Франтишек Богушевич (1840–1900). Его сочинения (стихи, рассказы, публицистика, переписка) становятся чем-то вроде катехизиса этого движения. Уже в опубликованной в 1914 году статье «Белорусское возрождение» один из его последователей – М. Богданович – мог с полным правом заявить: «Богушевич едва ли не первый явился проповедником всестороннего национального возрождения белорусов, доказывая, что они представляют отдельный, самостоятельный народ»².

В основу идеи «национального возрождения» Ф. Богушевич закладывает принцип «исконно родного языка». Он обращается к соотечественникам с призывом: «Не оставляйте же языка нашего белорусского, чтобы не умереть! Узнают людей или по речи, или по одежде, кто какую носит; вот и наречие, язык есть одежда души... Может быть кто-то спросит: а где теперь Беларусь? Там, братцы, она, где наш язык живет: она от Вильна до Мозыря, от Витебска и почти до Чернигова, где Гродно, Минск, Могилев, Вильно и много городов и деревень...»³.

Еще при жизни Богушевича публикуются его сборники: в Кракове – «Дудка беларуская» (1891; 1896) и в Познани – «Смык беларускі» (1894). Поскольку в них Богушевич объявлял о существовании белорусского этноса и четко обозначал его этническую территорию, а заодно решительно отстаивал «святость» белорусского языка и великой белорусской истории, царская цензура сочла эти работы крамольными. Цензоры высказали опасение, что в работах Богушевича «содержится тенденция создания помимо малороссийской, еще и белорусской литературы, а, следовательно, эта тенденция способна ослабить политическое могущество русского народа». Уже после смерти Богушевича, осенью 1909 года судебная палата приказала виленскому цензурному комитету изъять из продажи выпущенные экземпляры книг писателя и начать следствие по выяснению виновных в издании книг «неблагона-

¹ Публицистика белорусских народников. Минск, 1983. С. 60–62.

² Багдановіч. М. Беларускае адраджэнне. Літаратурныя артыкулы. Мінск: Універсітэцкае, 1994. С. 24.

³ Багушэвіч Ф. Творы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. С. 16–17.

дежных» произведений. Правда, вскоре это предписание было аннулировано. После революции 1905–1907 гг. из-за изменившейся ситуации запрет книг Богушевича выглядел явным анахронизмом.

2.3. Идеи национального возрождения в белорусской публицистике начала XX в.

Долгое время в лексиконе великодержавной русской бюрократии Беларусь классифицировалась как неотъемлемая часть России, а белорусский язык объявлялся жаргонным наречием, не позволяющим найти в его стихии что-нибудь самобытное и значительное. Мысль о повышении его статуса встречалась в штыки, объявлялась «бедственной» и влекущей «разъединение народностей России». В противовес ей рисовалась единственно возможная для белорусского языка перспектива – постепенное его отмирание и поглощение русским языком.

События, предшествовавшие революции 1905–1907 гг., заставили самодержавие отказаться от этой одиозной позиции, заменив ее на внешне более привлекательную тактику. 12 декабря 1914 года царь Николай II подписал указ, снимавший прежние ограничения на использование местных языков в западных губерниях Российской империи, в том числе и на белорусских землях. Издание указа «не означало подлинного признания белорусского народа на развитие своего языка, а тем более официального признания последнего (не допускалось употреблять белорусский язык в публичных школах даже в таких скромных размерах, как польский и литовский языки). Но, если не углубляться в этот вопрос, можно тем не менее констатировать, что указ Николая II создал легальные возможности для изменения в будущем статуса белорусского языка. Правительство не было заинтересовано в том, чтобы ускорять этот процесс, но в принципе оно его и не сдерживало»¹.

С помощью уступок в языковой сфере царизм стремился взять под контроль национально-освободительное движение Северо-Западного края, надеясь направить его в угодное самодержавию русло. Но этому движению было тесно в монархическом русле. И оно в конечном счете выбивается из запланированной для него колеи, год от года крепнет и

¹ Туронак Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі. Мінск, 2006. С. 71.

обретает со временем все более заметный и мощный характер.

После отмены запрета на белорусскоязычные публикации, ожидалась издательская деятельность различных белорусских обществ, появилось белорусское издательство «Загляне сонца і ў наша ваконца» в Петербурге, начали выходить газеты «Наша ніва», «Наша хата», «Палачанін» в Вильно.

В этой публицистике исключительно важную роль сыграла выходящая в Вильно с 1906 по 1915 год «Наша ніва». Издаваемая на белорусском языке эта еженедельная газета, по мнению А.В. Унучека, «имеет исключительное значение в белорусской истории. Скорее всего, нет больше такого издания, какое так сильно повлияло бы на процесс становления белорусской нации. Именно в этой газете была разработана идея белорусской государственности... И главная заслуга в этом принадлежит белорусской интеллигенции, объединившейся вокруг «Нашай нівы».

На страницах газеты были отчетливо сформулированы цели национального движения, очерчена историческая и духовная преемственность, предложена белорусская национальная концепция пяти губерний Северо-Западного края Российской империи.

Завершая свой труд, Унучек констатирует, что та идея, которую разработали на страницах данной газеты ее авторы, «была объективно настолько значимой и сильной, что хотя за ней не было больших финансово-организационных ресурсов, ее уже не могли игнорировать ни поляки, ни немцы, ни большевики. После «Нашай нівы» уже крайне трудно было заявлять о несуществовании белорусской нации, речи, литературы и культуры. «Белорусский вопрос» вышел за рамки внутрисословного и стал международным»¹.

Большую роль в развитии белорусской общественно-политической мысли конца XIX–начала XX века сыграли Максим Богданович (1891–1917), Янка Купала (1882–1942) и Якуб Колас (1882–1956). Литературное творчество двух последних уже в это время стало столь заметно, что можно с полным правом утверждать о зарождении в нашей национальной культуре новых традиций – купаловской и коласовской. В их произведениях идеи социальной и национальной свободы трудового народа, предпосылки для утверждения ко-

¹ Унучак А.У. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915). Мінск, 2008. С. 3–4, 143.

торых были заложены еще К. Калиновским и Ф. Богушевичем, нашли свое логическое и последовательное воплощение. «Пафос духовного раскрепощения и созидательности, выразителями которого были Янка Купала и Якуб Колас, – считает А. Майхрович, – стал типичной приметой белорусской демократической культуры начала XX века, благотворной почвой для стремлений и идей, существенных для дальнейшего развития»¹. Позже, уже в советское время, творчество Янки Купалы и Якуба Коласа приобретет столь значительный размах, что они оба будут признаны гениями нашей литературы, наиболее полно раскрывшими типичные черты национального характера и мировоззрения белорусского народа.

3. ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ XX–НАЧАЛА XXI В.

3.1. От Язэпа Лёсика к Игнату Абдираловичу

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война вскоре всей своей тяжестью навалилась на Беларусь. С 1915 года линия фронта уже пролегла по ее территории. Отступление русской армии на восток и последовавшая за этим оккупация германскими войсками значительной части белорусских земель породили массовое бегенство местного населения в Россию и на Украину. К концу 1915 года немецкие армии достигли линии Двинск – Браслав – Барановичи – Пинск. После этого военные действия приостановились вплоть до февраля 1918 года. Фронт рассек Беларусь: 25 % ее территории занимали германские, а остальную часть – российские войска.

Война ускорила вызревание революционной ситуации в России. В феврале 1917 года самодержавный строй пал. Весть об этом была с нескрываемой радостью встречена белорусской национально-демократической интеллигенцией. О том, какие ожидания связывались с этим событием, можно судить по восторженной статье писателя и публициста Язэпа Лёсика (1884–1940), опубликованной в газете «Вольная Беларусь» (выходила с июня 1917 года по декабрь 1918 года).

¹ Майхрович А.С. Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси. Минск, 1992. С. 236.

«Старый порядок закончился, – писал он, – и не восстанет больше никогда... Вышли на волю борцы за свободу и счастье народа. Раскрылись двери в светлое будущее, в великое здание братства, свободы и согласия... Произошло чудо. Вдруг не стало царей, исчезли привилегии, все стали равными и свободными. Вместе с тем исчезло и то различие, какое разделяло человеческий язык на панский и мужицкий. Все они: и польский, и российский, как и наш белорусский – имеют право на жизнь и уважение, все равные и одинаковые, нет среди них ни худшего, ни лучшего, как нет среди равных ни большего, ни меньшего...

Теперь в наших руках наше будущее, от нас самих зависит выковать себе лучшую долю... Любите Отчизну свою всей душой, всем сердцем своим, ибо кто мать забывает, того Бог наказывает... Создавайте культуру свою, расширяйте сознание свое! Здесь наше спасение. Только на почве родной культуры мы построим лучшую жизнь, только уважение к родному языку выведет нас на свет Божий»¹.

Надежда на то, что с падением самодержавия для Беларуси, ее народа и культуры наконец-то «раскроются двери в светлое будущее», оказалась явно преждевременной. Приход в октябре 1917 года к власти советского правительства во главе с В.И. Лениным породил, как и в феврале 1917 года, ожидание на свободное самоопределение народов, в том числе и белорусского. Но уже через несколько месяцев стало очевидно, что большевики не намерены считаться с волеизъявлением белорусского народа. 15 декабря 1917 года, когда в Минске собрался Всебелорусский съезд, который был преимущественно крестьянским (из 1872 его делегатов на нем оказались в основном эсеры и беспартийные), солдаты Минского гарнизона по приказу председателя Совета Народных Комиссаров Западного округа в Смоленске К. Ландера разогнали съезд и арестовали его президиум. При этом было проигнорировано то обстоятельство, что делегаты съезда вовсе не собирались выступать против советской власти, не намеревались отрывать край от России, а в соответствии с программой большевиков выдвигали требования незамедлительной передачи земли крестьянам, установления народного контроля над промышленностью и торговлей и т. п. Подлинной же причиной

¹ Гісторыя Беларусі канца XVIII–пачатку XX ст. у дакументах і матэрыялах. Хрэстаматэя. Вільня, 2007. С. 278–279.

разгона съезда было опасение, что его участники попытаются со-здать в Беларуси собственные органы власти.

Кризис доверия к национальной политике большевиков в лагере белорусских национальных деятелей начал заметно обозначаться уже к концу 1917–началу 1918 годов. Тот же Я. Лёсик в газете «Вольная Беларусь» обращал внимание на противоречивую политику большевистских властей. Он и другие авторы, публиковавшие свои статьи в газете, критиковали политику советской власти. Она, по их мнению, привела к анархии, разрушению экономики и гражданских связей, к «великой трагедии» Российской державы. Лёсик, в частности, критиковал итоги Брестского мира, позорного для России и пагубного для оккупированной немцами и поделенной Беларуси. Выступая за пересмотр условий Брестского мира, газета настаивала на демократизации страны, в условиях которой станет воз-можно ее национальное возрождение¹.

Разочарование политикой властей достигло апогея после подписания в 1921 году Рижского мирного договора, в соответствии с которым советская делегация согласилась отдать западные территории Беларуси Польше (под властью последней они оставались вплоть до сентября 1939 года).

В этих условиях в лагере белорусских национальных деятелей усиливаются пессимистические настроения. Они нашли отражение в изданной в 1921 году в Вильно книге Игната Абдираловича (Канчевского) (1896–1923) «Адвечным шляхам».

В ней он критически оценивал все те «направления политической мысли», с которыми «в последние годы белорусы практически познакомились». По мнению Абдираловича, «никто не спросил наш трудовой крестьянский народ, как же он решил строить свою жизнь... Трудно помышлять о социальном творчестве, когда к нам приходят с готовыми формулами и принуждают народ успокоиться на таком прокрустовом ложе. Говорить о социальном творчестве в нашем положении – это все равно, что рассказывать непристойные анекдоты в доме умершего».

Что касается «коммунистического опыта России», то, по словам Абдираловича, здесь у большевиков главенствует «научная» идея захвата власти, цель которой состоит в том, «чтобы силой вести массы в

¹ Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1999. Т. 2. С. 353–355.

социалистический рай», а практическую жизнестойкость этой идеи «доказывать угрозой расстрела, издевательством, резиновой палкой»¹.

В своей книге Абдиралович объявил, что непременным условием национального возрождения должно стать завоевание народом политической независимости, а с нею и возможности самостоятельно, без какого-либо «чужого принуждения... строить свою жизнь». В этом направлении, по мнению философа, «стала работать белорусская политическая мысль».

В какие формы в конечном итоге она воплотится? Как белорусам добиться осуществления своей мечты о завоевании политической независимости? Абдиралович вынужден с горечью признать, что когда эти вопросы «направились на практический путь современной политической работы, последняя оказалась в тисках политического принуждения, политико-классовой заинтересованности, и от современной политики мало что может ожидать народ». Выход из кризисной ситуации Абдиралович усматривал в утопическом проекте «свободной кооперации», «в поиске ненасильственных форм социального объединения», «в уничтожении принуждения, в объединении всего сообщества в нечто похожее на современные кооперативы»².

3.2. Белорусизация: великие надежды и трагические разочарования

Когда многим деятелям национального движения стало казаться, что ситуация с разрешением белорусского вопроса зашла в тупик, в стратегии большевиков наступил неожиданный поворот. На смену политике «военного коммунизма» с ее продотрядами и продразверсткой в 1921 году пришла новая экономическая политика (НЭП), в ходе которой советская власть прибегла к некоторому ослаблению диктаторских методов по управлению народным хозяйством и к определенным послаблениям в национально-культурной сфере. В 1921 году в республике открывается Белорусский государственный университет, а в следующем году создается Институт белорусской культуры (в 1931 году Институт культуры был преобразован в Ака-

¹ Абдзіраловіч Ігнат. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага светагляду. Мінск, «Навука і тэхніка», 1993. С. 31–34.

² Абдзіраловіч Ігнат. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага светагляду. Мінск, «Навука і тэхніка», 1993. С. 39–41.

демию наук БССР). Они стали первыми шагами советской власти на пути к осуществлению широкой программы национально-культурного строительства в республике. В 1924 году пленум ЦК КП(б) Белоруссии намечает курс на белорусизацию и приступает к его реализации.

Оценивая его, минский историк М.П. Кастюк заявлял: «Необходимо отметить, что в Белорусской ССР подход к политике белорусизации был вначале основательным, осмысленным, ответственным, всесторонним... В течение относительно небольшого отрезка времени... были достигнуты несомненные успехи в осуществлении политики белорусизации. Белорусский язык начал вводиться в государственных учреждениях... Активно распространялась белорусская речь в общеобразовательной, среднеспециальной и высшей школах...»¹.

Политика белорусизации произвела глубокое впечатление на национальных деятелей, находящихся в эмиграции. Многие из них, поверив в искренность большевиков, согласились признать Минск столицей национально-государственного возрождения белорусов. В конце 1925 года на Берлинской конференции пребывающее в изгнании правительство БНР (Белорусской Народной Республики) официально отказалось от антисоветской борьбы, объявило БССР единой национальной белорусской державой, после чего большая часть его членов переехала в Минск. Немало деятелей БНР вернулось на родину из Литвы, Латвии, Германии и Чехословакии. Никогда до этого белорусская столица не видела такой, как в то время, концентрации национальной элиты.

В то же время переоценивать значимость курса на белорусизацию не следует. Прежде всего нельзя забывать того, что этот курс осуществлялся под бдительным надзором большевистской власти. Как указывает в своей монографии «Историки и власть» современный немецкий историк Райнер Линднер, «для советской администрации раннего советского времени все больше и больше подозрительной выглядела вся «интеллигенция». Политическое руководство с середины 20-х годов внимательно отслеживало национальную, социальную и политическую жизнь и высказывания образованных людей... Еще седьмой съезд КПБ (март 1923 года), на каком были уточнены программные решения по отношению к политике Белору-

¹ Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск, 2000. С. 62–64.

сизации, начал дискуссию об интеллигенции. В официальной публицистике уже в то время высказывались сомнения, способна ли вообще «новая белорусская интеллигенция» выполнять активную роль в создании национальной культуры белорусского рабочего класса и крестьянства... Восприятие «интеллигенции» партией следует также рассматривать как доказательство того, насколько малой была свобода действий интеллектуалов в период белорусизации»¹.

Противоречивость и неоднозначность происходящих в этот период процессов наглядно проявилась при оценке отечественного философского наследия. В середине 20-х годов в БССР зарождается скариноведение. Ведущую роль в его становлении сыграли труды историка-слависта В.И. Пичеты (1878–1947). При его участии и под его редакцией в 1926 году в Минске выходит сборник, посвященный анализу творчества Ф. Скорины и его последователей – «Чатырохсотлеце беларускага друку (1525–1925)». Основу сборника составили работы Пичеты. Им были опубликованы статьи «Белорусское возрождение в XVI в.», «Книгоиздательство на Беларуси в XVI и XVII вв.» и «Скориниана» – подробнейший документированный очерк исторической проблемы. В сборнике Пичета характеризовал Скорину как великого просветителя, а возглавляемое им движение оценивал как «гуманистическое, национальное в своей основе».

К сожалению, в конце 20-х–начале 30-х годов ведущиеся в республике исследования по изучению творческого наследия Ф. Скорины были насильственно приостановлены. Поводом для этого послужил недвусмысленный намек, содержащийся в вышедшей в 1926 году в Минском журнале «Асвета» («Просвещение») статье первого секретаря ЦК КП(б) Беларуси В.Г. Кнорина. Предлагая «бороться против попыток перенесения... буржуазных националистических элементов в новую пролетарскую культуру», партийный лидер заявлял: «Для пролетариата право белорусских трудящихся на белорусский язык вытекает совсем не из того, что когда-то жил и работал... средневековый монах Скорина... Поэтому пролетарское государство не может никого из средневековых монахов-представителей правящих классов прошлого сделать шефами новой, национальной по форме и пролетарской по содержанию, культуры».

¹ Лінднер Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. СПб., 2003. С. 184–185.

О тех ученых, которые в период белорусизации пытались отстаивать и пропагандировать творческое наследие нашего первопечатника, было надолго запрещено писать что-либо в позитивном ключе. Печальная судьба постигла многих авторов сборника «400-летье беларускага друку». В. Пичете, кстати пришлось в 1929 году оставить пост ректора БГУ и выехать в Россию.

В 1929 году Сталин объявляет о свертывании НЭПа и возвращении к апробированным командно-административным, по существу тоталитарным, методам правления. С этого времени начинается фронтальное наступление на тех деятелей БССР, которые в той или иной степени оказались причастны к проведению курса на культурно-национальное возрождение страны. Ставка на белорусизацию утрачивает для советской власти свое пропагандистское значение и признается крайне вредным фактором.

Уже в 1930–1931 гг. начинаются аресты белорусских писателей, публицистов, общественных деятелей по сфабрикованному делу «Союза освобождения Беларуси». Среди арестованных оказались Александр Цвикевич, Вацлав Ластовский, Всеволод Игнатовский, Максим Горецкий, Язэп Василевич, Антон Балицкий, Михаил Мелешко, Язэп Лёсик и др. Погром белорусского национального движения приобрел еще более значимый масштаб в 1937–1938 гг., когда «красное колесо» сталинского террора прошло по всем слоям нашего общества, в том числе и по интеллигенции. О размерах этой репрессивной политики в какой-то мере можно судить по такому факту: в 1938 году решением бюро ЦК КП(б) Беларуси был закрыт Институт философии и советского строительства по причине того, что в нем практически не осталось сотрудников.

В начале Второй мировой войны, когда западные белорусские земли были возвращены БССР, здесь началась расправа над участниками белорусского национального движения. В октябре 1939 года в Вильно были арестованы Антон Луцкевич, Александр Власов, Ян Позняк, Вячеслав Богданович и другие представители белорусской интеллигенции. Депортация коснулась даже членов прокоммунистических организаций.

В первые годы Великой Отечественной войны в большинстве своем белорусские национальные деятели, которые до этого еще не были уничтожены, погибли в застенках НКВД.

Имена участников белорусского национального движения, ре-

прессированных в период сталинизма, еще долго оставались вычеркнутыми из советских учебников и научных работ. Упомянуть о них запрещалось по цензурным соображениям вплоть до окончания советской эпохи. В связи с этим белорусский философ В. Конон в своей статье «Философия и эстетика национального возрождения» вспоминал, что работая над диссертацией, посвященной развитию эстетической мысли в БССР в 1917–1934 гг., он обратил внимание на то, «насколько непохожа та эпоха на мое время, когда уже исчерпала себя «хрущевская оттепель» и надвигалась «застойная осень». «Где, в каком бермудском треугольнике, – вопрошал философ, – исчезли братья Луцкевичи, Вацлав Ластовский, Франтишек Алехнович, Вацлав Ивановский и еще сотни имен, активно присутствовавших в моем диссертационном материале?»¹.

В конце XX века барьер умолчания вокруг этих имен начинает разрушаться: появляются работы, посвященные анализу творчества и жизненного пути деятелей национального движения, подвергнувшихся репрессиям в годы сталинского террора. Сведения о них публикуются в энциклопедических справочниках, журналах, газетах, монографиях и статьях отечественных и зарубежных исследователей. Пока таких работ мало. Но даже тех из них, которые появились в последнее время, вполне достаточно для того, чтобы осознать всю глубину и невосполнимость потерь белорусской мысли в период сталинизма.

В этом плане заслуживает быть отмеченной подвижническая деятельность белорусского историка **А. Сидоревича** по возвращению читателям трудов Антоня Луцкевича (1884–1942). Еще в 2003 году в Минске под редакцией и с предисловием А. Сидоревича выходит в свет сборник избранных работ этого публициста, политика, мыслителя, выдающегося деятеля белорусского национального движения, основателя Белорусской социалистической громады. В 2009 году в Литве под научной редактурой, с комментариями и предисловиями Сидоревича выходит более обширный сборник трудов Луцкевича «Да гісторыі беларускага руху: выбраныя творы» (Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003).

Еще в 1909 году в «Московском еженедельнике» А. Луцкевич публикует статью «Национальное возрождение белорусов». В ней он

¹ Крыніца. 1999. № 4–5 (52). С. 27.

пытается описать и осмыслить историю белорусского движения «за двухсотлетний период». За время, когда Беларусь находилась «под властью России, – считает Луцкевич, – белорусы... не потеряли ни своего языка, ни прочих национальных особенностей». Поэтому, по его мнению, «для национального возрождения белорусов, совершающегося на наших глазах, необходим был, прежде всего, толчок, – правда, очень сильный, который нарушил бы умственный застой, расшевелил бы сонные умы белорусов. Таким толчком послужило освободительное движение 1905–1906 гг., охватившее всю Россию, между прочим, и Белоруссию». Перечисляя появившиеся в начале XX века белорусскоязычные издательства, газеты, книги, Луцкевич писал: «Дружными усилиями всех означенных институций дело белорусского национального возрождения подвинулось и все больше подвигается вперед».

С этого времени Луцкевич внимательно отслеживает все происходящее вокруг Беларуси и внутри нее: оккупацию белорусских земель Германией, Польшей, Версальский мирный договор, НЭП, «белорусизацию», политический курс советских руководителей (Ленина, Сталина и др.) в белорусском вопросе. Едва ли не первым среди участников национального движения Луцкевич начал размышлять о тех «развязках» национального вопроса, главным образом белорусского, которые предлагались руководителями СССР. И здесь его внимание обращается в первую очередь к фигуре В.И. Ленина. Сразу же после получения известия о его смерти Луцкевич публикует статью «Великий экспериментатор». В ней он писал: «Умер «великий экспериментатор», умер человек, который осмелился повести народные массы безграничной России наипростейшей и наикратчайшей дорогой к социальной революции... В непрерывной, напряженной, тяжелой борьбе закладывал Ленин фундаменты под свое строительство. В течении шести лет этот, бесспорно гениальный, человек не раз ошибался. Но каждый раз он видел свои упущения, имел смелость сильных людей признаться в них и искать новые пути. И мы видим начало знаменитого НЭПа (новой экономической политики), видим решительный поворот в национальной политике и признание дела создания национальных культур и национальных республик основой всего государственно-

го строительства Союза Советских Социалистических Республик»¹.

Нельзя не заметить, что оценка ленинской национальной политики у Луцкевича явно позитивная (хотя в отношении ее у него оставались определенные сомнения). Зато, когда он заводит речь о «последователях Ленина» – Зиновьеве, Каменеве, Сталине, тон его рассуждений кардинально меняется: «и вот вместо того, чтобы последовательно развивать дальше линию, начатую Лениным в национальном вопросе, они останавливались на полдороги: московский централизм и унаследованный от старой России московский национализм празднуют в СССР свою победу, сведя чуть ли не к нулю самостоятельность независимых, национальных федеративных республик»².

С 1930 года у Луцкевича уже не остается никаких сомнений в антинародной сущности сталинского режима. В виленской газете «Наперад» 8 января этого же года он публикует статью «Барацьба за моладзь», в которой пишет: «Теперь, когда грузинский ренегат Сталин со своими поплечниками захватили руководство коммунистической партией в СССР, московский национализм, ранее старательно укрываемый под «интернациональными» лозунгами, высоко поднял свою голову и сбросил маску, за какой скрывалось его подлинное обличье». В этой же статье Луцкевич обращал внимание на сталинские репрессии против белорусской интеллигенции и других слоев народа, приходя к неутешительному выводу: «...старые кадры белорусских работников с каждым годом редеют, и скоро уже среди зачинателей нашего освободительно-возрожденческого движения не будет при жизни никого».

Через месяц в той же газете Луцкевич публикует статью «Цень Азэфа» («Тень Азефа»), в которой выносит суровый приговор Сталину, высказывая предположение: «не имеем ли мы здесь дело с человеком сумасшедшим или с провокатором? На самом деле: куда ведет Сталин трудящиеся массы СССР? Он вполне сознательно пытается создать в СССР, и так переживающем тяжелый экономический кризис, состояние бесконечной внутренней гражданской войны... Не слишком ли много взрывного материала приготовляет Сталин – ради подрыва того нового строя, который восторжество-

¹ Антон Луцкевіч. Барацьба за вызваленне. Вільня, 2009. С. 307–308.

² Антон Луцкевіч. Барацьба за вызваленне. Вільня, 2009. С. 313.

вал в СССР, тех достижений рабочих и крестьян, какие оплачены целым морем пролитой крови? И не возникает ли в глазах трудовых масс СССР и старых революционных деятелей прежней царской России тень самой ненавистной фигуры из жизни революционного подполья – фигуры нынешнего иуды – Азефа?»¹.

Приход в 1933 г. к власти в Германии и Италии фашизма побудил Луцкевича провести параллели между установившимися там режимами и большевистским правлением Сталина. Он указывал на «определенную связь», характерную для «всех этих трех систем». Всех их, по его мнению, объединяет то, что, «грубо попирая права личности на свободу мысли и убеждения, они отдают всю власть... диктатуре... одного лица, принуждают всех скакать под дудку диктатора, будто бы представляющего «всенародную» волю. В Италии такой «избранной», «исключительной» единицей, которая одна имеет полную свободу мысли и действия, является Муссолини, в Германии – Гитлер, в СССР – Сталин».

Сражение за политическую свободу Беларуси в конечном счете обернулось для Луцкевича личной несвободой. После 17 сентября 1939 г., когда западные белорусские земли были возвращены БССР, ему предложили выступить с речью на митинге в Вильно. И он согласился. Но в отличие от других ораторов, он не говорил о счастливой жизни, которая отныне наступит для воссоединенного белорусского народа, не расточал похвал «мудрому» Сталину. Он лишь высказывал надежду на то, что для объединенной Беларуси откроется путь к развитию национальных школ и отечественной культуры. Вскоре после этого Луцкевич был арестован. В начале июня 1941 г. решением особой коллегии НКВД СССР его приговорили к 6 годам заключения. Жизнь Луцкевича оборвалась 23 марта 1942 г. в пересыльной тюрьме Аткарска Семипалатинской области. До конца своих дней Луцкевич был уверен, что «только своя государственность даст нашему Отечеству настоящую свободу и счастье», ибо «только через независимость ведет путь к совместной жизни с теми из наших соседей, с которыми нас связывают общие интересы – будет ли это конфедерация, федерация или государственный союз», ибо «без независимости эта совместная жизнь обернется в закабаление нашего Отечества, ибо без независимости мы всегда будем

¹ Антон Луцкевіч. Барацьба за вызваленне. Вільня, 2009. С. 412.

считаться чьей-то вещью»¹.

3.3. Белорусская философская мысль в период сталинского террора

Первым марксистским философом в БССР пришлось работать в условиях нарастающего политического давления. Из них в первую очередь следует отметить С.Я. Вольфсона (1894–1941). Он стал автором одного из первых в СССР учебников по диалектическому материализму², который выдержал несколько изданий. Учебник включал также очерки по истории философии и марксистской социологии. Если в этом учебнике автору еще удавалось сохранять при изложении материала определенную объективность, то в дальнейшем он переходит на позицию апологетики «ленинизма-сталинизма», становится одним из разработчиков стратегии и тактики борьбы с так называемым белорусским «буржуазным национализмом». Сталинская концепция обострения классовой борьбы в стране по мере продвижения к социализму переносится С.Я. Вольфсоном на белорусскую историографию и культуру. Он обвинял А. Гаруна, А. Луцкевича, В. Ластовского, М. Довнар-Запольского, М. Ян-чука, А. Смолича и других сторонников идеи национально-культурного возрождения Беларуси в расизме и подпольной антигосударственной деятельности³.

Зловещую роль в судьбе советской философии сыграла книга Сталина «История ВКП(б). Краткий курс», опубликованная в 1938 г. Книга, проникнутая апологией сталинского «гения», его «мудрости» и «прозорливости», надолго оставалась пособием по идеологической обработке советских людей. С этих пор любое, самое незначительное проявление свободной мысли жестоко каралось, на передний план выступало безудержное прославление успехов на пути строительства социализма, пропаганда идеи процветания наций и культур в советском обществе. Абсолютизация классового подхода в чудовищно примитивной форме подменяла научную аргумента-

¹ Там же. С. 30.

² Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Минск, 1924.

³ Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Минск, 1994. Т. 2. С. 217.

цию навешиванием политических ярлыков, обнаружением в стране бесчисленных «вредителей», «шпионов», «врагов», «двурушников».

Разгром фашистской Германии и ее союзников позволил советским людям приступить к мирному труду, восстановлению народного хозяйства, разоренных городов и сел. Вскоре самоотверженный труд был омрачен массовыми репрессиями и в первую очередь в отношении творческой и научной интеллигенции. Сигналом послужила публикация в центральной печати в 1946 г. разгромных постановлений ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». С этого времени и вплоть до смерти Сталина на советскую страну обрушивались нескончаемые волны идеологических кампаний по Борьбе с «низкопоклонством перед буржуазной культурой», с «носителями безродного космополитизма», «формалистами и эстетамы», «вейсманистами-морганистами», генетикой, кибернетикой, теорией относительности, квантовой механикой и т. д.

Разумеется, эти погромные кампании не обошли стороной и Беларусь. Более того, здесь они нередко принимали крайне зловеющий характер из-за стремления местных партийных и государственных руководителей выслужиться перед союзным Центром, продемонстрировать свою лояльность, верноподданнические чувства. И снова, как и в 30-е годы, они получали установки из сталинского «Краткого курса ВКП(б)». Еще в первом полугодии 1946 года в республику поступило 300 тысяч экземпляров этой книги на русском языке, а вскоре она была переведена на белорусский язык и издана в количестве 50 тысяч экземпляров.

На страницах партийного журнала «Бальшэвік Беларусі», литературно-художественного журнала «Полымя», газеты «Літаратура і мастацтва» и др. зазвучали голоса, призывающие очистить отечественную науку от злокозненного влияния загнивающего Запада и его упаднической культуры. Стержневым пунктом этой пропаганды стало утверждение о том, что всю культуру, философию, науку и историю Беларуси надлежит рассматривать исключительно с позиции великодержавных интересов России. «Практически уже в первые послевоенные годы, – отмечает белорусский историк Леонид Лыч, – стали формироваться взгляды на историю Беларуси как на некое приложение к русской истории, а поэтому изучение белорусской

национальной истории как самостоятельного предмета не считалось обязательным ни в высших, ни в средних учебных заведениях»¹.

В соответствии с такими взглядами, которые вскоре набрали силу директивных политических установок, творческой интеллигенции «рекомендовалось», а точнее предписывалось, полнее освещать в своих произведениях не далекое минувшее родного края, а достижения социалистического строительства в послеоктябрьский период.

В это время на передний план выступают публицисты и философы, готовые в угоду политической конъюнктуре развенчивать достижения белорусской мысли дооктябрьского периода. Под огонь их уничижительной критики попадают выдающиеся представители отечественной культуры Ф. Скорина, Ф. Богушевич, М. Богданович, Алесь Гарун и другие. Дело доходит до абсурда, когда, к примеру, Милетий Смотрицкий объявляется иезуитским агентом, а Алесь Гарун – изменником и врагом белорусского народа. Жестко пресекаются попытки объективно, насколько это было возможно в тех условиях, осветить историческое прошлое нашей страны. На только что выпущенную книгу историка Н.В. Каменской, посвященную образованию БССР, мобилизованные властями философы и публицисты откликнулись серией разгромных статей. В них Каменскую и других историков поучали, как не следует писать историю Беларуси. Неудовольствие рецензентов вызвали те места в книге белорусского историка, где она утверждала о том, что в период Великого княжества Литовского «белорусские земли сохраняли свою автономию», имели свою государственность, в рамках которой «гарантировалась... неприкосновенность православной церкви, духовенства».

Репрессии обрушиваются на тех белорусских ученых, которые осмеливались продолжать исследования в тех областях науки, которые тогда объявлялись подпадшими под влияние «буржуазного Запада». Опале подвергся выдающийся белорусский ботаник, генетик и селекционер Антон Жебрак. Его лаборатория в Ботаническом саду АН БССР была ликвидирована, а ее сотрудники вместе со своим главой долго не могли найти себе работу, поскольку на них висело позорное клеймо «менделистов-морганистов».

¹ Лыч Л. Міжнацыянальныя дачыненні на Беларусі (верасень 1943 г.– кастрычнік 1964 г.). Мінск, 2009. С. 104.

3.4. Борьба за преодоление тоталитарного наследия сталинизма и за возрождение свободной мысли в Беларуси

После смерти Сталина и разоблачения в феврале 1956 года на XX съезде КПСС «культы личности и его последствий» многие думали, что тяжелое наследие сталинизма будет легко преодолено. Но оказалось, что разделаться с ним не так-то просто. С отстранением от власти в СССР Н.С. Хрущева и приходом в октябре 1964 года к руководству страной Л.И. Брежнева началась «ползучая» реабилитация Сталина и возвращение партийного руководства на неосталинские позиции. В этих условиях развитие в СССР философской мысли, свободной от политического надзора властей, становилось возможным в основном в тех областях, которые напрямую не затрагивали партийных интересов.

В конце 50-х–начале 60-х годов в белорусскую философию приходит новое поколение исследователей (Н. Алексютович, Э. Дорошевич, С. Подокшин, В. Конон, А. Майхрович и др.), для которых жесткий политический контроль властей за их творчеством стал восприниматься как серьезная преграда свободе мышления. Этим исследователям предстояло заняться возрождением той традиции изучения отечественного культурного наследия, которая принесла ощутимые плоды в период белорусизации, но в годы сталинского террора оказалась насильственно прерванной. В центре их внимания оказываются Ф. Скорина, С. Будны и другие отечественные мыслители, чья деятельность в XVI–XVII вв. вывела нашу философию на передовые рубежи мировой мысли.

В 1955 году научный сотрудник Института философии и права АН БССР Н. Алексютович (1921–1967) защищает кандидатскую диссертацию «Передовая общественная и философская мысль в Белоруссии в XVI веке». В 1958 году выходит из печати его книга о Ф. Скорине и ряд других работ, в которых он исследует наследие Возрождения и Реформации.

В 1962 году коллектив авторов Института философии АН БССР в составе Н. Алексютовича, Э. Дорошевича, А. Коршунова, Н. Купчина, Е. Прокошиной, В. Протасевича, В. Пузикова и В. Сербенко издает монографию «Из истории философии и общественно-политической мысли Беларуси: избранные произведения» (Минск, 1962).

В 60-е годы начинается творческая деятельность философа и историка-медиевиста С.А. Подокшина (1931–2005). Его многолетняя научно исследовательская работа получила высокую оценку ученых, преподавателей, студентов, широкой общественности. Что касается исследуемой Подокшиным проблематики, то она была представлена такими направлениями философской и исторической науки, как методология отечественного историко-философского исследования, история отечественной культуры, философско-этической и общественно-политической мысли, религиозная жизнь. Оценивая один из последних трудов С. Подокшина, в котором были помещены его статьи и отрывки из ранее изданных произведений, А. Майх-рович отмечал: «Автором впервые разработаны важные вопросы становления и развития отечественной философской культуры; периодизации и содержательной классификации арестотелизма на белорусской почве, истории отечественного либерализма, с каким свя-заны идеи правового государства, верховенства закона, прав человека, эволюции понятия свободы в белорусской культуре и т. д.»¹

Помимо значительного числа статей, помещенных в сборниках, коллективных и периодических изданиях, Подокшиным написан ряд монографических трудов по истории белорусской мысли и культуры. Среди них: «Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы» (Минск, 1970), «Скорина и Будный: Очерк философских взглядов» (Минск, 1974), «Франциск Скорина» (М., 1981), «Філа-софская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага» (Минск, 1990), «Унія. Дзяржаўнасць. Культура» (Минск, 1998, 2000).

Наряду с Подокшиным проблемы отечественной философской мысли и культуры, в основном эстетики, разрабатывает в своих трудах В.М. Конон (1934–2011). За цикл работ по истории философской и общественной мысли страны дооктябрьского периода ему в 1984 году была присуждена Государственная премия Беларуси. Из его работ следует отметить монографии «Демократическая эстетика Белоруссии. 1905–1917» (Минск, 1971), «Эстетическая мысль Советской Белоруссии» (М., 1978), «Проблемы искусства и эстети-

¹ Падокшын С.А. Беларуская думка ў кантэксте гісторыі і культуры. Мінск: Бел. навука, 2003. С. 4.

ки в общественной мысли Белоруссии начала XX в.» (Минск, 1985).

Весомый вклад в разработку отечественной философской и общественно-политической мысли внес историк философии, член-корреспондент НАН Беларуси А.С. Майхрович (1937–2004). Из созданных им трудов необходимо отметить произведения «Белорусские революционные демократы: важнейшие аспекты мировоззрения» (Минск, 1977), «Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси» (Минск, 1992), «Які ен, шлях Беларусі да дэмакратычнай дзяржавы?» (Минск, 1996), «Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси» (Минск, 1997).

В 1995 г. в Минске под редакцией А. Майхровича и при непосредственном участии большого коллектива исследователей вышел в свет первый в Беларуси энциклопедический справочник «Мыслі-целі і асветнікі Беларусі», в котором были помещены материалы о жизненном пути и деятельности представителей философской и общественной мысли нашей страны от древнейших времен до начала XX столетия.

3.5. Поиск пути к суверенному и демократическому государству. Философская мысль Беларуси на стыке XX–XXI вв.

Провал попытки государственного переворота в августе 1991 года ускорил дезинтеграционные процессы на пространстве Советского Союза. Они вскоре привели советскую страну к распаду. 26 августа 1991 года Верховный Совет БССР принял постановление «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности Белорусской ССР». 19 сентября 1999 года было утверждено новое наименование страны – «Республика Беларусь» или «Беларусь». 8 декабря 1991 года в Вискулях (Беловежская пуца) руководители России, Беларуси и Украины подписали соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) и денонсировали договор от 1922 года, в результате чего СССР прекратил свое существование.

Перед страной, которая обрела политическую независимость, сразу же встал целый ряд неотложных задач, которые предстояло срочно решать. Среди них наиболее значимой являлась проблема коренного

преобразования жизни Беларуси на демократических началах. К обсуждению этой проблемы и к поиску путей ее решения подключились наши обществоведы, в том числе и известные философы.

В своей работе «Становление нравственного сознания» А. Майхрович подчеркивал: «Потребности демократических преобразований в Беларуси обуславливают необходимость коренного реформирования всех областей государственной, экономической и духовной жизни. Задача состоит прежде всего в замене старого, абсолютного господства государственного принудительного начала, жестко регламентировавшего все сферы жизни общества, такими формами политико-государственной, социально-экономической и духовно-культурной организации, которые характеризуются конкретно-гуманистической направленностью и характером. Провозглашение высшей ценностью свободы человека и гражданских свобод вообще может реализоваться только в процессе выработки форм и средств саморегуляции общественной жизни – представительной власти, рыночной экономики, права и законности, всеобщности моральных норм»¹.

В другой своей работе («Які ен, шлях Беларусі да дэмакратычнай дзяржавы?») Майхрович более детально анализирует и обсуждает проблемы, связанные с переходом нашей страны «от тоталитарной, общегосударственной регламентации и унификации общественной жизни до таких основ существования и развития социальной общности, какие бы базировались на идеях и принципах демократии».

По мнению Майхровича, «в проблеме политической независимости, или государственного суверенитета, любой страны, а значит и Республики Беларусь, есть два измерения: национальное и демократическое. Причем одно неразрывно связано с другим, поскольку идея национальной государственности, базирующаяся на принципе равенства всех народов, проживающих в Беларуси, может быть реализована только в условиях демократии. Поэтому любые попытки игнорировать национальный фактор при построении современной Белорусской державы, подменить или затемнить этот фактор общекоммунистической, прагматической или какой-то иной идеей ведут к размыванию и обесцениванию сути государственного суверенитета, к трактовке Бе-

¹ Майхрович А.С. Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси. Минск, 1997. С. 203.

ларуси как аморфного экономического и национального региона»¹.

Отмечая, что «за последнее время накоплен немалый позитивный опыт в изучении историко-философского и историко-культурного процесса в Беларуси», А. Майхрович, вместе с тем, обращал внимание на необходимость совершенствования логических принципов изучения национального духовного наследия. «Освещение ряда периодов историко-культурного развития, – заявлял он, – нуждается в серьезном переосмыслении, что только и способно создать предпосылки для выработки новой концепции национального историко-философского процесса... Перспективы дальнейшего изучения истории философии и общественно-политической мысли Беларуси зависят прежде всего от последовательности утверждения объективного, научного, всестороннего подхода к явлениям духовной жизни, свободного от абстрактных априорных моделей и догматического идеологизирования»².

В свою очередь С. Подокшин, солидарный с предлагаемыми Майхровичем основными идеями и установками, решительно отстаивал принцип научного плюрализма: «Плюрализм в науке (имеется в виду главным образом гуманитарная наука – история, философия, литературоведение, искусство и т. д.) – это самый плодотворный и оптимальный путь к истине, какой предусматривает творческое соревнование за «право на истину» многих и разнообразных идей, мыслей, взглядов, концепций, точек зрения, научных взглядов... Как в политической жизни человечество не нашло ничего лучшего, чем демократия, так и в области науки и культуры не было и пока нет ничего более плодотворного, чем свободное, творческое соревнование, ничем не ограниченная конкуренция идей, концепций, точек зрения, решений, которые предлагаются, благожелательность и терпимость ко всякому творческому инакомыслию. Свобода как принцип научного, литературного, художественного творчества формировалась столетиями, человечество заплатило за нее великую цену. Свободе творчества в современном, цивилизованном обществе – а именно к такому мы сегодня идем – нет и не

¹ Майхрович А.С. Які ен, шлях Беларусі да дэмакратычнай дзяржавы? Мінск, 1996. С. 3.

² Майхрович А.С. Які ен, шлях Беларусі да дэмакратычнай дзяржавы? Мінск, 1996. С. 5–6.

может быть альтернативы»¹.

3.6. Приоритетные исследования современных белорусских философов

С конца 60-х годов прошлого столетия область исследований отечественных философов значительно расширяется. С этого времени наряду с усиливающимся и углубляющимся изучением национальной историко-философской проблематики возрастает интерес к анализу научного и социального познания.

В конце 60-х–начале 70-х годов создается Минская школа философии науки во главе с В.С. Стёпиным (род. в 1934 г.). Наряду с ним в указанной школе трудятся Л.М. Томильчик, А.И. Зеленков, А.Н. Елсуков, Е.В. Петушкова, Л.Ф. Кузнецова, Я.С. Яскевич и др. В их работах структура и динамика научного знания исследуются на конкретном материале истории науки, в тесной связи с изучением ключевых теорий и концепций физики, биологии и социальных наук.

Начавшаяся в Минске творческая деятельность В.С. Стёпина во многом преопределила его путь в науке. Главной сферой его исследований с этого времени становятся теория познания, философия, история и методология науки и техники. Еще работая в БПИ, он публикует (совместно с Л.М. Томильчиком) работу «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики» (Минск, 1970). Через несколько лет выходят в свет две работы Стёпина: «Методы научного познания» в соавторстве с А. Елсуковым (Минск, 1974) и «Становление научной теории» (Минск, 1976). В 1981–1987 гг. Стёпин заведует кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ. В 1987 г. выходит в свет его книга «Научные революции как «точки» бифуркации в развитии знаний» (Минск, 1987).

В дальнейшем Стёпин переезжает в Москву, где избирается директором Института философии и академиком Российской академии наук. В Москве им публикуются труды: «Философская антропология и философия науки» (М., 1992), «Эпоха перемен и сценарии будущего» (М., 1996), «Теоретическое знание: структура, историческая эволюция» (М., 2000), «Научная картина мира в культуре

¹ Падокшын С.А. Беларуская думка ў кантэксте гісторыі і культуры. Мінск, 2003. С. 16–17.

технологичной цивилизации» в соавторстве с Л.Ф. Кузнецовой (М., 1994), «Основы философии науки» (М., 2004), «Философия науки. Общие проблемы» (М., 2006).

Продолжая сотрудничать с Республиканским институтом высшей школы, Стёпин публикует обширный раздел «Наука и социокультурный статус» в учебном пособии по философии¹. Здесь он рассматривает основную форму человеческого познания – науку, которые в наши дни имеет все более значимое и существенное влияние на реальные условия жизни. Говоря о современной науке, Стёпин выделяет три группы выполняемых ею социальных функций. Это, во-первых, функции культурно-мировоззренческие, во-вторых, функции науки как непосредственной производительной силы и, в-третьих, ее функции как социальной силы. Сегодня, в условиях научно-технической революции, наука начинает непосредственно включаться в процессе социального развития. Наиболее ярко это проявляется в ситуациях, когда данные и методы науки используются для разработки масштабных планов и программ социального и экономического развития.

Возрастающая роль современной науки в общественной жизни, ее включенность в решение проблем цивилизационного развития страны и человечества в последнее время стали важнейшими направлениями в творчестве белорусских философов (В. Беркова, П. Водопьянова, А. Зеленкова, А. Елсукова, Н. Жукова, А. Лойко, В. Лукашевича, В. Старжинского и др.). В их трудах исследуются основания современной науки (научная картина мира, идеалы и нормы научной деятельности, научная аргументация и т. д.).

Философско-методологическому анализу науки и научного познания посвящены работы В. Беркова «Философия и методология науки» (М., 2004), А. Елсукова (в соавторстве с В. Стёпиным) «Методы научного познания» (Минск, 1974), «Эмпирическое познание и факты науки» (Минск, 1984), В. Старжинского «Методология науки и инновационная деятельность» (Минск, 2008), Я. Яскевич «Философия и методология науки» (Минск, 2009), В. Лукашевича «Философия и методология науки» (Минск, 2006), Н. Жукова «Философские основы теории систем, кибернетики и информатики» (Минск, 1997).

¹ Философия: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Минск, 2006. С. 435–474.

Наряду с методологией научного познания в числе приоритетных исследований отечественных авторов выделилась в последнее время тематика, связанная с изучением философии техники, нацеленная на осмысление многоаспектного феномена техники в ее различных контекстах. В Беларуси философия техники исследуется в русле решения основных кибернетических и коэволюционных проблем. Среди авторов, разрабатывающих эту проблематику, следует отметить профессора, заведующего кафедрой философских учений БНТУ А.И. Лойко. В своих работах¹ он рассматривает историческое развитие техники, уделяя особое внимание комплексу причин, которые в наши время вызывают пристальный интерес к проблемам философии техники. Среди этих причин он называет приоритетную роль техники и технологии в развитии современного общества, все ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса, обострившиеся вопросы взаимодействия техники и природы и т. п.

Философия техники, по мнению А.И. Лойко, кроме методологической и мировоззренческой составляющих имеет и праксеологическую составляющую, связанную с инновационной деятельностью человечества. Это значит, что она описывает механизмы технического творчества (эвристики), а также их внедрение в практическую деятельность. Эти задачи входят в прерогативу инженерного инновационного менеджмента. Для этого менеджмента ключевым является понятие инновационного цикла, связанного с внедрением новых идей, изделий и технологий в практику хозяйственной деятельности².

В постчернобыльскую эпоху крайне злободневными стали проблемы, связанные с экологией. Для Республики Беларусь они обрели особую значимость из-за того, что часть ее территории оказалась зараженной радионуклидами в результате произошедшей 26 апреля 1986 г. аварии на Чернобыльской АЭС. Квалифицируя ее как крупнейшую социо-эколого-технологическую катастрофу в истории человечества, академик Е. Бабосов в своих трудах («Катастрофы: социологический анализ». Минск, 1995; «Чернобыльская трагедия в ее социальных измерениях». Минск, 1996) говорит о трудностях,

¹ Лойка А.І. Філасофія тэхнікі. Мінск, 1994; Лойко А.І. Курс лекцій по філософії тэхнікі. Мінск, 2001.

² Философия: методическое пособие для студентов технических и экономических специальностей. Минск: БНТУ, 2010, С. 171.

нерешенных проблемах в зоне аварии, дает практические рекомендации по минимизации последствий Чернобыля.

Подводя итоги последнего десятилетия (1991–2011 гг.) в истории суверенной, независимой Беларуси, следует отметить, что в этот период происходит и продолжается до сих пор интенсивный поиск тех национальных приоритетов, на которых должна базироваться идеология нашего государства. Среди них важнейшим становится осмысление пройденного белорусским народом исторического пути, ибо такое осмысление является непреходящей ценностью и основным фактором национального самосознания. Помимо этого, приоритетными для белорусов сегодня являются такие ценности, как государственность, белорусский язык, национальные традиции и обычаи, общечеловеческие гуманистические идеалы добра, правды, справедливости.

Заключение

Проследивая развитие философской и общественно-политической мысли Беларуси с момента ее зарождения в XII веке и вплоть до настоящего времени, мы обнаруживаем в ней целый ряд особенностей. Развиваясь как неотъемлемая часть национальной культуры, она сыграла важную роль в формировании национального самосознания белорусского народа. В ней с наибольшей полнотой раскрылись сокровенные чаяния белорусов. В то же время наша мысль испытала благотворное воздействие прогрессивных традиций русской, украинской и польской культур. И благодаря ему стала синтетической, способной легко аккумулировать, ассимилировать в себе духовный опыт соседей. Путь развития отечественной философии не был простым. На этом пути ее передовым представителям постоянно приходилось преодолевать много трудностей и препятствий. Но несмотря на это, их вклад в сокровищницу национальной и мировой культуры оказался весьма заметным и значимым.

И сегодня в суверенной и независимой Беларуси отечественная философия с ее богатеющим многовековым наследием продолжает выполнять фундаментальную роль в становлении белорусской государственности, в формировании патриотизма и ответственности за

судьбы нашей Родины.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите основные этапы в развитии философской и социально-политической мысли Беларуси.
2. Почему философская мысль Беларуси имеет ярко выраженный нравственно-социальный характер?
3. Как повлияло принятие христианства на процесс культурного развития нашего Отечества? Какие просветители стояли у истоков нашей философской мысли?
4. Почему жизненный и творческий путь Ф. Скорины является наглядным примером синтеза культур Востока и Запада?
5. В чем состоит вклад Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского, А. Волана, Л. Сапеги в развитие социально-политического и юридического мировоззрения?
6. Какие достижения отличают творчество отечественных мыслителей эпохи Просвещения? Кого из них Вы можете назвать?
7. Какие социально-политические последствия имело включение белорусских земель в состав Российской империи?
8. Какова роль отечественной литературы и публицистики в формировании национального сознания и духовной культуры белорусов?
9. Кого из современных мыслителей, внёсших заметный вклад в разработку историко-философской мысли Беларуси, Вы можете назвать?
10. Исследования каких современных отечественных философов посвящены анализу науки и научного познания?
11. Когда была создана Минская школа философии науки и какие проблемы исследуются в ней сегодня?
12. Какова роль социально-гуманитарных дисциплин и философии науки в становлении белорусской государственности на современном этапе?
13. Кто из современных отечественных философов разрабатывает проблемы философии техники и научно-технического прогресса?
14. Назовите социально-политические и моральные ценности, являющиеся приоритетными в Республике Беларусь на нынешнем

этапе развития. Охарактеризуйте основные параметры концепции ее устойчивого развития.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік. – Мінск, 1995.
2. Майхрович, А.С. Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси / А.С. Майхрович. – Минск, 1992.
3. Падокшын, С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С.А. Падокшын. – Мінск, 2003.
4. Демидов, А.Б. Философская и общественная мысль Беларуси / А.Б. Демидов // Философия: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Минск, 2006.
5. Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік. – Мінск, 1995.
6. Акинъчиц, С. Золотой век Беларуси / С. Акинъчиц. – Минск, 2005.
7. Козел, А.А. Философская мысль Беларуси: учебное пособие / А.А. Козел. – Минск, 2004.
8. Стёпин, В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В.С. Стёпин. – М., 2006.
9. Бабосов, Е.М. Чернобыльская трагедия в ее социальных измерениях / Е.М. Бабосов. – Минск, 1996.
10. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства / Я.С. Яскевич. – Минск, 2007.
11. Семенюк, В.А. Философская мысль Беларуси. Этапы становления / В.А. Семенюк // Философия: методическое пособие для студентов технических и экономических специальностей. – Минск: БНТУ, 2011.

Учебное издание

СЕМЕНЮК Владимир Андреевич

ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ

Методическое пособие
для студентов, магистрантов и аспирантов

Редактор В.О. Кутас
Компьютерная верстка Н.А. Школьниковой

Подписано в печать 30.09.2011.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Отпечатано на ризографе. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 3,20. Уч.-изд. л. 2,50. Тираж 100. Заказ 387.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Белорусский национальный технический университет.

ЛИ № 02330/0494349 от 16.03.2009.

Проспект Независимости, 65. 220013, Минск.